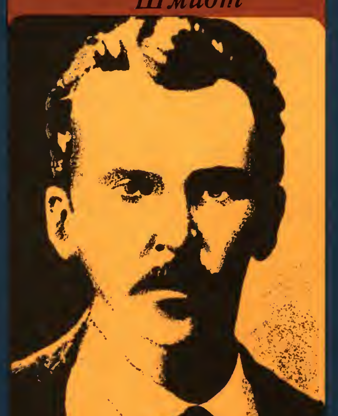
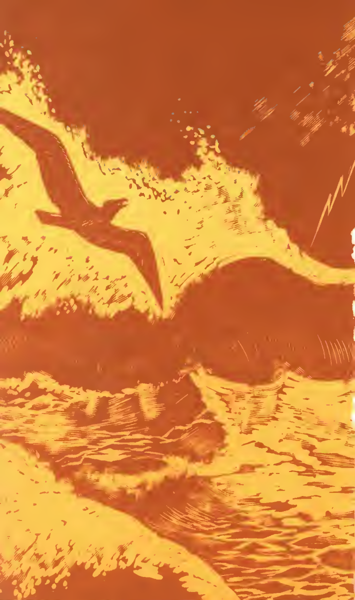
Когда им было двадцать

Г. Самолис

Лейтенант Шмидт





Когда
им
было
двадцать

Г. Самолис

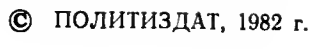
Лейтенант Шмидт

Документальная повесть

*Москва
Издательство
политической
литературы
1982*

63.3(2)522
С17

$С \frac{0505020000—216}{079(02)—82}$ 267—82



От автора

Биографические характеристики в Большой Советской Энциклопедии лаконичны и строги, как записи в лоции. Не была исключением и та, которую я выписал осенью 1960 года.

«Шмидт П. П. (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, революционер-демократ, один из руководителей Севастопольского вооруженного восстания... В октябре 1905 стал выступать на митингах и демонстрациях с резкими речами против самодержавия... Был избран пожизненным депутатом Севастопольского Совета рабочих депутатов... Принял на себя командование крейсером «Очаков», а затем объявил себя командующим флотом... Был предан суду... Во время казни держался с большим героизмом и мужеством...»

«Пусть каждая фраза и будет разделом моей беседы о Шмидте»,— решил я, когда получил задание командира. Оно адресовывалось прежде всего молодым офицерам: «Провести с личным составом кораблей беседу о подвиге лейтенанта Шмидта» — и обусловлено было двумя причинами — пространственной и временной.

В ту пору зачетное тактическое учение года мы проводили в районе Тендровского залива. А имеиио в этих водах свыше пятидесятн лет иазад подиял красный флаг броненосец «Потемкии». Неподалеку от этих мест плавал крейсер «Очаков», на борту которого большевики Антоненко, Гладков и Частиик обсуждали иовый план восстания флота и участия в ием офнцера Шмидта. Здесь же почти четыре десятнлетня спустя, в годы Велнкой Отечествеиной войны, отважио сражались с врагом наследннки славы революциоииых матросов н лейтеиаита Шмндта.

Знамеиательиые даты в историн Родины — пятндесятипятилетие Севастопольского вооружеииого восстаиня н пятнадцатилетие иашей Победы иад фашистской Германней — наполияли наш ратный труд особым смыслом, иалагали особую ответствеиность. Вот в такой обстановке н мие, зеленому в то время лейтенанту, без году неделю назиачеиному комаидиром малого противолодочного корабля, предстояло впервые выступнть перед матросами о лейтенанте Шмндте. Но достаточио лн я его знал?

Наше поколеине морскнх офнцеров прншло на флот с глубокнм уважением к нмеии Шмндта. Но это нскреннее уважеине, к сожаленню, ие подкреплялось глубокнм знаннем его героической жизни. Внны наших наставников нз морскнх учнлищ в том ие было. Короткие справки в энцнклопедиях и учебниках по нстории, повесть К. Г. Паустовского «Черное море», небольшая киига

воспоминаний сестры Шмидта да немногие сохранившиеся с периода первой русской революции газеты — вот, пожалуй, и все, что имелось о Шмидте в конце 50-х годов.

Но приказ есть приказ, и я его должен был выполнять. Крепко держась за выписанные фразы из энциклопедии (подобно тому, как в болтанку держатся за леера), поднялся на палубу, где уже собрались матросы. Поставив фразы в центр беседы, ибо они, как был убежден, не вызывают сомнений, я стал рассказывать матросам о лейтенанте Шмидте. Стал излагать все, что знал о нем тогда.

Рассказал, как впечатлительный юноша, сын адмирала и родовитой дворянки, под влиянием книг Некрасова, Чернышевского, Герцена начал разделять идеи революционных демократов. Как его, уже лейтенанта Черноморского флота, революционный вихрь девятьсот пятого года вдруг поднял на баррикады сражений против царизма. Как он произнес свою знаменитую клятву-речь. Как объявил себя командующим восставшим флотом. Как отважно держался во время казни...

Едва закончил рассказ, посыпались вопросы. Матросов, сразу выяснилось, интересовало буквально все, что касалось личности Шмидта. Они спрашивали:

«Кто же все-таки Шмидт — революционный демократ или революционер, разделяющий взгляды социал-демократов?», «Разве было когда-нибудь в русском флоте такое звание: лейтенант Черноморского флота?»,

«И в каком все же звании прибыл Шмидт на «Очаков» — лейтенантом или лейтенантом в отставке?» — неиссякаемый поток вопросов прервало сообщение с ходового мостика: «Флагман поднял штормовое предупреждение!» Из-за низких туч свалился шквальный ветер. На море сразу усилилось волнение. Последовал приказ: «Следовать в укрытие в ближайший порт!» Им оказался Очаков. После двухмесячного пребывания в море предстояла встреча с землей, и она радовала.

— В Очакове,—сказал я матросам,—мы продолжим беседу о Шмидте. В этом городе его судили. Там, наверное, есть музей его имени.

В первое же увольнение мы направились в клуб имени Шмидта, разместившийся в бывшем здании военного собрания, где когда-то вершился скорый и неправый суд над моряками-революционерами. Весь его обошли, но даже намека на музей не было. Мы заглянули в клубную библиотеку:

— Нет музея, так, может, хоть книга о юности Шмидта найдется?

— Ни одной,— смутилась заведующая библиотекой, совсем молоденькая девушка.— Могу лишь предложить повесть Паустовского «Черное море».

— Спасибо. Читали. Тогда, может быть, вы нам что-нибудь расскажете о Шмидте, когда ему было столько лет, сколько нам?— спросил один матрос и дружески подмигнул ей, улыбнувшись.

— Но... я не знаю,— окончательно смутилась девушка.— Я только недавно приняла

библиотеку... Здесь судили Шмидта. На здаиии висит мемориальиая доска. Еще есть портрет лейтеиаита — в биллиардиой. Вот, пожалуй, и все...— она была искрение огорчеиа.

— Здесь бы открыть музей памяти Шмидта,— предложил я. Матросы меня поддержали.

— Я попробую,— сказала библиотекарь и серьезно добавила: — Обязательио!

Благородное иачииаиие комсомолки Лиды Иващенко нашло поддержку в городском комитете партии, у командоваиия Военно-Морского Флота, у матросов и жителей города — у всех, для кого история флота, страны, революции есть составиая часть духовной жизии народа, иеотрывиая от сегодияшиих иаших дией.

Ныне в здаиии, где висел лишь одии портрет героя-лейтеиаита,— музей Шмидта. Самоотвержеииыми усилиями бывшей заведующей библиотекой и ее бескорыстиых друзей собрано более пяти тысяч известиых, малоизвестных и еще до иедавней поры совсем иеизвестиых докумеитов о матросах легеидариого «Очакова» и об их комаидире. За два десятка лет музей посетило около миллиона человек, во много раз больше, чем живет в Очакове. На средства, собраиные молодежью Одессы, Николаева, Очакова, воздвигнут иа Березани в 1972 году памятиик Шмидту и его друзьям — бетоииая стела в форме паруса. В 1980 году открыт музей Шмидта в Бердянске, где ои провел отроческие и юношеские годы. Молодые люди

создают музей и в Таганроге, где с 1890 по 1892 год жил Петр Петрович. Командование Военно-Морским Флотом поддерживает предложение флотской молодежи расширить и мемориальный музей Шмидта в Очакове: под него должно быть отведено все здание клуба. На просторах Мирового океана несет вахту один из лучших и современнейших кораблей флота — большой противолодочный корабль «Очаков». Молодые люди в матросских тельняшках не теряют связей с Очаковским музеем. Они пишут письма, интересуются: «Как идут дела? Какая нужна помощь? Есть ли что новое о жизни моряков-революционеров?»

Эти сведения есть. По крупицам они собирались многими людьми, в том числе и автором этой книги. Мой интерес к личности Петра Петровича Шмидта с той памятной для меня лекции с годами рос и углублялся.

Один из удивительных фактов, обнаруженных в последнее время, касается молодого Шмидта. Выходило, что двадцатилетний Шмидт был связан с «военно-революционным кружком», входящим в состав социал-демократической группы Димитра Благоева. Значит, его приход в революцию был не случайным, значит, уже двадцатилетним Шмидт был убежденным противником существующего строя. И когда пришло время, он без раздумий встал на сторону тех, кто поднялся против самодержавия.

Глава I

1

Солнце выкатилось из-за тяжелых туч, нависших над Петербургом. Его прямые лучи зажгли золото куполов и шпилей, окрасили в розовый цвет гранитную набережную, высветили Дворцовую площадь.

В этот ранний утренний час на площади были лишь два человека. Они только что прибыли поездом в столицу империи — морской офицер и его тринадцатилетний сын. Мальчик был высок, строен, изящен в движениях. Строгий черный костюм придавал ему солидность не по возрасту. Белоснежные манжеты и высокий стоячий воротник с уголками оттеняли опаленное южным загаром лицо. И только глаза, в которых светилось любопытство и восхищение, выдавали возраст.

Они пришли к берегу Невы.

— Где оно? — спросил сын, и в его голубых глазах вспыхнул огонек нетерпения.— Где же? Скорей покажи!

— Там, за Невой.— Отец помог сыну взобраться на парапет.— Левее. Вон за тем, за Николаевским, мостом. Будто мачты торчат — грот, фок и бизань. Видишь?

— Оно и в самом деле как фрегат!

Училище действительно напоминало корабль с поднятыми парусами. За время его существования он ни на дюйм не сдвинулся со своего места, но все же плыл. Не в про-

странстве — во времени. И всегда рядом с ним плескались волны Балтики.

Еще в XVII веке шаутбенахт, основатель российского флота, Петр Первый издал категоричный и лаконичный указ: «Морским судам быть», прозорливо отметив впоследствии, что «всякий потентат (государство), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет». А потому, указал Петр, «быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учению», что и положило начало Навигацкой школе, или Морскому училищу.

И с той далекой поры со священной «палубы» училища-фрегата уходили в море, в бой, в бессмертие сотни и сотни морских офицеров — флотоводцы и первооткрыватели, ученые и мореходы, командиры шлюпов, бригов, корветов, крейсеров, броненосцев. Уходили, чтобы своими подвигами в ратном искусстве иль на пути к знаниям прославить российский флот. Славные имена Ушакова и Сенявина, Нахимова и Лазарева, Крузенштерна и Беллинсгаузена звали «на борт» фрегата новые поколения молодых сынов России, готовых приумножить славу русских мореплавателей.

Ежегодно в канцелярию училища, которая своими окнами выходила на 11-ю линию Васильевского острова, приходили почтительные прошения. И однажды такое прошение пришло с берегов Азовского моря — из порта Бердянск.

«Генваря 15-го дня 1880 года.
В канцелярию Морского училища.

От Шмидта-второго.

ПРОШЕНИЕ

Желая определить на воспитание в младший приготовительный класс Морского училища сына моего Петра Петрова Шмидта, я, нижеподписавшийся, обязуюсь в самом непродолжительном времени доставить метрическое свидетельство о рождении и крещении его...

Капитан I ранга Шмидт».

В конце зимы старший морской начальник Бердянска капитан I ранга Петр Петрович Шмидт прислал в училище все, что обещал. А в начале осени приехал в Петербург со своим единственным сыном, предложил ему: «Пойдем пешком от вокзала?» «С удовольствием! — ответил сын.— Прямо в училище?»

Но отец повел его вначале на Дворцовую площадь, а потом в Петропавловскую крепость — в собор, где покоился прах Петра Великого.

Они подошли к усыпальнице императора. Старший Шмидт приложил руку к козырьку, отдавая честь. Постояли в молчании. Отец пытливым взглядом посмотрел на сына:

— Знаешь ли ты, кем был Петр Великий в твоем возрасте?

— Императором,— улыбнулся сын.

— Сне и пехоте нзвестно,— не поддержал шутлнвый тон отец.— Он был каютным юнгой.

— Это как — каютным?

— Если, например, адмнрал Корнелнй Крюйс гаркнет с похмелья в каюте: «Гррогу или всех прнбью!», то император обязан был тотчас ответствовать: «Не извольте серчать. Мнгом подам...» — пояснил отец.— Каютный юнга — вроде слуги. Так-то. А кого Петр Первый наказывал в училище прнннмать?— И, не дождавшнсь ответа, сказал:

— «Добровольно хотящих, нных же паче и со принуждением...» Тебя к кому прикажешь отнестн?

— К добровольно хотящим, конечно! Как ты мог сомневаться?

— Хотел услышать еще раз именно здесь.— Шмидт-второй обнял сына, заглянул в глаза.— Скоро ты начнешь новую самостоятельную жизнь. И поэтому должен всегда помннть главное. От него,—отец указал на усыпальницу императора,— от Петра, берет начало многое. Помнишь Пушкнна? «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек». От Петра начинается подлинная снла империи и мощь ее флота. Начннается нстория нашего рода, в котором сыновей принято нарекать в честь н память Петра. От него и нмя твое, мой родной Петр Петров Шмидт. Будь достонн его всю свою жизнь.

Юный Петр посерьезневшнм взглядом смотрел на усыпальницу Петра.

— Да,— с чувством отозвался он,— об этом буду помнить всегда.

2

5 февраля 1867 года [1] в Одессе в семье капитан-лейтенанта П. П. Шмидта (1828—1888), потомственного дворянина и военного моряка, и княгини Е. Я. Шмидт (1835—1877), представительницы древнего литовского княжеского рода Сквирских, родился шестой ребенок — Петр Шмидт.

Из воспоминаний А. П. Избаш [2]

Семейная обстановка, полная нежной любви матери и кипучей энергии отца-моряка, человека громадного темперамента, но доброй души, создавала широкое, богатое впечатлениями, счастливое детство.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р. [3]

В милом детстве моем я видел много любви и женской ласки. Я рос среди сестер и мамы, так как отец всегда находился в плавании [4].

---

[1] Здесь и дальше все даты даются по старому стилю.

[2] Анна Петровна Избаш (1865—1942) — младшая сестра П. П. Шмидта.

[3] Зинаида Ивановна Ризберг (1889—1961) — больше известная по книгам как З. И. Р.— знакомая П. П. Шмидта.

[4] Письма П. П. Шмидта приводятся с небольшой редакционной правкой, касающейся языка и стиля.— *Г. С.*

Из послужного списка отца Шмидта.

Отец Шмидта плавал на линейном корабле «Двенадцать апостолов» (1843), на корвете «Орест» (1844), на фрегатах «Венус» и «Успех» (1847), на бриге «Диамид» (1848), на фрегате «Кулевчи» (1854). С 13 сентября 1854 по 21 мая 1855 защищал Малахов курган. Был ранен осколком бомбы в бедро, контужен в голову. За проявленные мужество и отвагу при защите Севастополя был награжден орденами. После Крымской войны плавал на судах и кораблях Балтийского и Черноморского флотов. 19 марта 1876 был назначен начальником города и порта Бердянск. 27 мая 1885 произведен в контр-адмиралы. Скончался 19 декабря 1888. Похоронен в Одессе.

Из письма П. П. Шмидта сыну[1]

Видно, так уж у нас на роду написано: от отца к сыну — служить морю.

Из воспоминаний сына П. П. Шмидта

Моряками были многие ближайшие родственники отца.

Из послужного списка дяди Шмидта

Владимир Петрович Шмидт (1827—1909) лейтенантом защищал Севастополь. Был трижды ранен осколками бомб. Награжден

[1] Сын лейтенанта Шмидта Евгений Петрович Шмидт-Очаковский (1889—1951) в 1917 году уехал учиться за границу, где и остался. Умер в Париже.

орденами, Георгиевским крестом, золотой саблей с надписью «За храбрость». С 1862 по 1871 командовал императорской яхтой «Тигр». С 1890 числился первым по старшинству среди военно-морских чинов российского флота. Умер в чине полного адмирала. Похоронен в Севастополе во Владимирском соборе рядом с прославленными адмиралами В. А. Корниловым, П. С. Нахимовым, В. И. Истоминым и И. А. Шестаковым.

Из беседы с профессором С. В. Избашем (младшим сыном А. П. Избаш — сестры П. П. Шмидта)

В детстве и отрочестве на Петра Шмидта оказали большое влияние отец и дядя — военные моряки. Они привили ему большую любовь к морю, к профессии моряка. Такое отношение к морскому делу поощряла и мать, которую сын боготворил.

Из воспоминаний А. П. Избаш

Любовь к матери полосой светлой и нежной прошла через всю жизнь моего брата.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Память о маме — святая святых моего внутреннего мира.

Из воспоминаний А. П. Избаш

Ласковый, чуткий, очень нервный, Петя рос своеобразным ребенком. Бывало, во время самого веселого разгара наших детских игр милое детское личико его делается

вдруг серьезным, голубые, светлые глаза смотрят восторженно, и он говорит мне:

— Ах, как мне хорошо, как я всех люблю!

И действительно, он всех любил, всех жалел, даже в те ранние детские годы, и уже тогда у него начинала проявляться та необыкновенная способность страдать за других, которая красной нитью прошла через всю его жизнь, до его рокового конца.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Первые впечатления самого отдаленного моего детства связаны у меня со старинной чернильницей. Когда-то она принадлежала бабушке, княгине Сквирской. Потом по наследству досталась маме. Мама много писала, работала и училась всю свою жизнь, и эта чернильница была немой свидетельницей многих часов светлой работы, высоких душевных волнений этой замечательной женщины...

3

Екатерина Яковлевна Шмидт по праву может быть отнесена к числу замечательиых русских женщин, с радостью встретивших передовые идеи освободительного движеиия 60-х годов XIX века.

Ей было девятнадцать, когда она, вопреки воле знатиых родителей, приехала в осажденый Севастополь, чтобы работать сестрой милосердия. А труд их в Крымскую войну был сродни героизму.

Хрупкая девушка, только-только вступающая в жизнь, она постигала первые уроки патриотизма у знаменитого хирурга Н. И. Пирогова, мужества — у защитников Севастополя, самоотверженности — у своих боевых подруг.

На всю жизнь она сохранила светлые образы матросской сироты Дарьи Севастопольской, первой фронтовой сестры; дочери сенатора, внучатой племянницы фельдмаршала М. И. Кутузова Екатерины Бакуниной, которая сутками не отходила от операционного стола. Ее вдохновляли подвиги Марии Григорьевой, вдовы коллежского советника, заслужившей при жизни памятник; Екатерины Грибоедовой, сестры автора «Горе от ума», представленной к медали; Матрены Голубцовой, дочери служителя канцелярии...

Юная Катенька во всем держала равнение на старших своих подруг. Она выносила раненых с поля боя, делала им перевязки, была донором, когда спешно требовалась кровь, и смущалась, слушая похвалу из уст самого П. С. Нахимова. В смелую девушку влюбился соратник Нахимова капитан II ранга Скоробогатов. Но он погиб на Малаховом кургане. В том же бою и на том же кургане был тяжело ранен ученик Скоробогатова отважный лейтенант П. П. Шмидт. Екатерина Яковлевна спасла его. Позднее, уступив его чувству, она стала ему верной женой, заботливой матерью его детей. Супруги Шмидты жили светло и дружно. Их героическая молодость, высокая самоотвер-

женность и дух самопожертвования, присущие защитникам Малахова кургана, постоянно обитали в их доме. И Петр Шмидт впитал эти качества, можно сказать, с колыбели.

Екатерина Яковлевна Шмидт тянулась к революционно-просветительской работе. В ней она пыталась найти выход своему стремлению быть полезной народу, служить людям, как тогда — на севастопольских бастионах. Ее, потомственную дворянку, за нескрываемую симпатию идеям Белинского и Чернышевского, Некрасова и Писарева, Добролюбова и Шелгунова стали называть «демократкой».

Вдохновленная примером Софьи Ковалевской, она в 35 лет решила поступить в университет. «Сие не женское дело,— вернул ей документы приват-доцент С. Ю. Витте.— Женское дело — печатать детей». Грубый окрик будущего премьер-министра страны пришелся не по адресу. К тому времени Екатерина Яковлевна Шмидт уже родила шестерых. Трое, правда, умерли в раннем детстве. Но и с Марией, Анной и трехлетним Петей ей хватало забот. Она растила их без нянек и гувернанток. Воспитывала сама, как умела. А умела хорошо.

Петр Шмидт рос в атмосфере высоких мыслей и идеалов. Неподдельный интерес к книгам Пушкина и Толстого, Короленко и Успенского, к идеям революционных демократов и народников воспитала у мальчика мать. Она привила ему любовь к музыке и живописи. Учила говорить на английском и

французском языках. А главное — личным примером учила быть чутким, отзывчивым к людям. Все это способствовало тому, что в душе юного Шмидта непрерывно росло чувство своей неотделимости от судьбы народа, чувство сострадания к униженным и оскорбленным.

Однажды в Севастополе в фондах музея Черноморского флота мне довелось листать малоизвестную рукопись Шмидта. Озаглавлена она была: «Влияние женщин на жизнь и развитие общества». Рукопись согрета особым чувством к матери: «Когда свет знания поможет человеку разглядеть в себе самом личность с ее неотъемлемыми правами, тогда человек возвысится до признания личности в женщине».

Более семидесяти книг намеревался тогда проштудировать Шмидт, когда работал над рукописью. Среди этих книг — Шекспир и Кант, Шиллер и Бебель, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса. Но он успел сделать выписки лишь немногих авторов. Слова Карлейля он дважды подчеркнул: «Если мне удалось совершить в жизни что-либо, то лишь благодаря влиянию моей матери».

4

Часы Петропавловского собора (собранные талантливыми мастеровыми братьями Бутеноп, которые, к слову сказать, «озвучили» в свое время и Спасскую башню Московского Кремля) звонко пробили девять.

— Пора,— сказал отец.— Пришло время сниматься со швартовов. Мы сделали первое и важное дело — отдали дань семейной традиции.

— Какой? — не сразу понял сын.

— Ее начал мой дед. Каждого из сыновей, впервые приезжавших в Петербург, он прежде всего приводил сюда. Точно так поступил мой отец со мной. Теперь вот и я. И ты, надеюсь, сделаешь то же.

Мальчик рассмеялся:

— Когда это еще будет? К тому же я обручен только с морем... Пошли?

Вдоль Кронверкской куртины, мимо артиллерийского цейхгауза, Петровских ворот они пришли к Иоанновскому равелину, направляясь к выходу из крепости.

Но у равелина мальчик задержался:

— Странно. Как же пушки будут стрелять через эти решетки?

— Там не пушки. Там заключенные.

— Кто? — удивился сын.

— Враги престола и отечества,— ответил отец и добавил: — Прибавим шагу.

5

Осенью 1874 года в Одессе Петя вместе с матерью ехал в пролетке. Неожиданно возница остановил лошадей.

Шмидт увидел молодых людей, которые в плотном кольце жандармов и полицейских переходили дорогу. Несмотря на такое окружение, они, показалось мальчику, шли бодро, с подчеркнутым достоинством.

— Желябов! — услышал Шмидт чей-то звоикий голос.— Андрей! Запевай...

И вдруг иад полем, садами, лиманом в сторону открытого моря полилась душевная русская песня. Как это было красиво!

— Кто оии, мама? — шепнул Шмидт.

— Заключеииые,— ответила оиа, прижимая к себе голову сына.— Народники. Это добрые и честиые люди. Оии несли в деревни все лучшее, что имели,— зиания, книги, заботу о ближних.

— Почему же они под конвоем?

Мать вздохнула:

— Безумное лето...

Эти слова запомнились мальчику еще и потому, что потом ои часто слышал их от других: «безумиое лето народничества». Но понять, почему, в чем безумие тех, кто нес народу лучшее, что имел, он не мог.

«В народ!» — призывал тогда П. Л. Лавров[1]. Тысячи молодых людей — из Москвы и Петербурга, Киева и Одессы, Харькова, Тулы, Вильно — двинулись в деревни — в народ.

Но иемногим удалось «дойти». Третье отделеиие департамента полиции ловило буитарей, сажало их в тюрьмы. Число арестованных быстро росло.

— К следствию привлечено уже свыше семисот человек,— услышал однажды маль-

---

[1] Лавров П. Л. (Миртов) (1823—1900) — видный ндеолог народннчества, представитель субъективной школы в социологии, автор книги «Исторические пнсьма» (1868—1869), оказавшей большое влияиие на русскую иародническую иителлигеицию.

чик горькую реплику матери. Подумав, предположил:

— Государь всех простит, освободит. Или он не всемилостивейший?

Мать ответила с грустью:

— Нет, их будут суднть. Строго.

По указанию Александра II из числа арестованных отобрали самых актнвных борцов. Царь повелел: «Суднть нх публично». Несколько лет держали в темницах 193-х революционеров, тайно готовя грандиозный процесс.

Об этом Петр узнал уже после переезда в Бердянск. Здесь, в доме градоначальника, горячо обсуждали все драматические перипетии подготовки небывалого процесса. И особенно переживала мать, хотя ей ннкак нельзя было волноваться. Но нн рождение седьмого ребенка, нн тяжелая, неизлечимая болезнь, о которой она знала,— ннчто не могло заслонить ее тревогу за судьбу арестованных революционеров. Сын запомнил едва лн ие последние слова матери:

— Я так переживаю за ннх! Оправдают ли Софью Перовскую? Что скажет князь Мышкнн в защиту товарищей?

— Все обойдется, Катюша,— утешал н хмурился отец, запрещая сыну читать ей газеты.— До иих ли тебе сейчас, родиая?

— Ей было дело до всех,— сказал на поминках дядя, брат отца, Владимир Петровнч Шмидт, приехавшнй из Петербурга на похороны Е. Я. Шмидт.

Она умерла в самом конце 1877 года, 29 декабря. «Я помню,— писала о реакции бра-

та на смерть матери сестра П. П. Шмидта,— как он рыдал все три дня до ее похорон, рыдал безутешно, не успокаиваясь ни на одну минуту».

Место последнего, скорбного причала Е. Я. Шмидт обрела на горе, откуда были видны море и степь. Взвод матросов отдал прощальный салют верной жене моряка, защитнице Севастополя. На похоронах сын не плакал — не мог. Неожиданно для себя, повзрослевший, он понял: это место будет для него свято всегда. «Приезжая в разные периоды своей жизни в Бердянск, где похоронена мать,— вспоминала сестра,— он всегда, даже ночью, зимой, останавливал лошадей у ворот кладбища, далеко за городом, и шел к ее могиле...»

— Да, ей было дело до всех,— горевал на поминках В. П. Шмидт.— Финал дела 193-х потряс бы ее. Князь Мышкин — представляете?— назвал суд «домом терпимости».

— Очень терпеливый суд?— спросил кто-то из детей, по-своему истолковав эти слова.

— Очень,— согласился дядя.— Даже очень.

— Катюшу нельзя было волновать,— отозвался отец Шмидта,— но она просила меня вырезать все заметки о суде. Я исполнял ее волю, но не показывал их. Одна заметка мне особенно запомнилась. Ее написал корреспондент газеты «Таймс». Там есть такие слова: «Я присутствую здесь вот уже два дня и слышу только, что один прочитал

Лассаля, другой вез с собой «Капитал» Маркса, третий просто передал какую-то книжку своему товарищу». Разве за такое можно судить?

— «Капитал», положим, капиталу рознь,— осторожно возразил англичанин Джон-Эдуард Гриевз, будущий хозяин завода в Бердянске по изготовлению жнеек.— О господине Марксе в Европе очень много говорят...

Шмидт не мог во всем разобраться. Но понял, что некоторые из присутствующих на поминках сочли этот суд излишне мягкосердечным. Десять лет каторги Ипполиту Мышкину, оправдание Перовской, Желябова они почему-то называли «актом либерализма».

За столом все затихли, когда Петр Шмидт неожиданно спросил:

— Так он правильный был или нет, этот суд?

Ему не ответили. Сделали вид, что не слышали вопроса.

— А она бы всю правду сказала — мама,— и выбежал из комнаты.

6

Из воспоминаний А. П. Избаш

После смерти матери любовь и ласку ее старалась заменить нам сестра... Эта, потрясенная смертью матери, 16-летняя девочка читала вслух библию, часто говорила о боге, и все это, в связи с ее добротой и трогательной заботой, создавало особенную,

исполненную грусти и доброты обстановку нашего сиротства. Эта обстановка не могла не отражаться на впечатлительном мальчике.

*Из беседы
с профессором С. В. Избаш*

Среди многих товарищей Пети Шмидта, по рассказам матери, была и ее близкая подруга, тогда еще гимназистка, Евгения Александровна Тилло. Добрая, общительная и умная девушка, она вызвала у юного Шмидта самые первые и самые чистые чувства.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Когда мне было 14 лет, я влюбился в гимназистку.

Из воспоминаний Е. А. Тилло о Шмидте

Дружеские беседы с ним были не только интересны, но и нередко положительно поучительны. В них заметен был яркий ум и поразительно теплое отношение к людям.

*Из письма Л. П. Филатовой,
учительницы средней школы № 2
города Бердянска,
датированного 1977 годом*

Что нам известно о судьбе Е. А. Тилло? Очень немного. В детские и юношеские годы она дружила с юным Шмидтом, а потом переписывалась с ним, когда он уехал в Петербург. В конце 80-х годов прошлого века переписка вдруг прекратилась. Вот пока все, что мы знаем. Комсомольцы нашего от-

ряда имени Шмидта продолжат поиск. Мечтаем даже о создании музея в том самом доме, где жил и рос молодой Шмидт. Поддержат ли нашу идею?

Из информации
в газете «Бердянская правда»

28 ноября 1980 года в городе Бердянске открыт музей лейтенанта П. П. Шмидта.

Из беседы с директором
Бердянского музея П. П. Шмидта

Наши комсомольцы-следопыты отыскали могилу матери лейтенанта Шмидта. Посетители музея проложили к ней тропу. Там всегда много цветов.

Глава II

1

Вот наконец-то и здание Морского училища!

— Сколько желающих?! — удивился Шмидт.

И было чему. Четыреста отпрысков высокопоставленных фамилий приехали сюда, чтобы испытать судьбу. Четыреста! А фортуна могла улыбнуться только тридцати.

«Кто же они, эти тридцать счастливчиков?» — думал Шмидт, украдкой разглядывая сверстников.

— Петя! — услышал он радостный возглас.— Ты ли? Как это здорово, что мы встретились вновь!

Шмидт обернулся и увидел одесского приятеля Михаила Ставраки.

Ровесники и земляки, Шмидт и Ставраки росли в семьях, схожих между собой, как звенья одной якорной цепи. Но звенья эти были похожи лишь внешне, а потому и различное отношение к жизни обозначилось у мальчиков уже в детстве.

Однажды старший и младший Ставраки пригласили Шмидта на рыбалку. Попутный ветер выгнул паруса. Шлюпка ходко шла по морю. Возле острова Березань, узнали они, появились косяки скумбрии. К вечерней заре подошли к месту лова. Закинули удочки, но клева не было: рыба, видимо, ушла. «Переметы!» — воскликнул младший Ставраки. «Тащи!»—обрадовался отец. «Как можно? — запротестовал Шмидт.— Это же не наши — рыбацкие». «Не обеднеют!» — перебил его старший Ставраки. «Не сдохнут!»— подхватил сын мысль отца. Они быстро начали выбирать перемет, ловко снимая с крючков пойманную рыбу.

Костер развели на крутом островном берегу. Шмидт пытался, но так и не смог заставить себя прикоснуться к ухе. «Петя, не сердись,— уговаривал его Михаил Ставраки.— Я хочу дружить с тобой до гробовой доски...»

Через три десятка лет на этом острове Ставраки будет целиться в грудь лейтенанту Шмидту.

— Ста-а-новись!— подал команду высокий и статный воспитанник с бело-синей повязкой дежурного на рукаве и, когда маль-

чики построились, пригласил: — Прошу, господа, за мной!

Воспитанник Крылов привел робеющих юношей в огромный училищный зал.

— Здесь, господа,— сказал Крылов,— принимаются первые и сдаются последние экзамены. И тем, кто окончит училище, сам государь,— то ли улыбнулся, то ли усмехнулся он,— вручит офицерские погоны и кортик. Дерзайте! Ни пуха вам, ни пера, салажата!

Салажата разбрелись по залу. Стол Шмидта стоял почти в самом центре зала. Он сел, краем глаза увидел — Ставраки за соседним столом. Тот сразу подал голос: «Петя, умоляю. Буду засыпаться — помоги!» Шмидту не понравился заискивающий тон приятеля: «Зачем умолять?» Он помог Ставраки справиться и с этим, и с другими экзаменами.

Недели через две в Зверином коридоре (он назывался так потому, что на обеих стенах узкого коридора были выставлены транцевые доски старинных кораблей с деревянными скульптурами льва, рыси, барса и других зверей) появился заветный список.

Скрывая волнение, Петр Шмидт, стоя рядом со своим отцом, читал фамилии счастливцев: Гиляровский, Жемчужников, Лесли («Очень славный парень!» — подумал Шмидт), Карказ, Нилов, Скаловский, Ставраки («Молодец»! — порадовался за приятеля Шмидт), Толстой, Шемякин, Шестаков... И краска залила лицо мальчика, ком подкатил к горлу.

Отец выручил сына. Со сдержанной гордостью прочитал:

— Петр Петров Шмидт...Принят!

«Принят!— ликовал в душе Шмидт.— Принят! Сбылась мечта!»

2

Мечта сбылась. Начались будни. И с такого, о чем никогда и не думалось. «Наш младший приготовительный класс пятой роты,— вспомнит впоследствии Владимир Лесли,— имел, к сожалению, общее помещение со старшим классом той же роты. Говорю «к сожалению»,— добавит он,— потому что на первых порах мы все испытали прелести бурсов...»

— Воспитанники! — приветствовал новобранцев гардемарин Михаил Меньшиков.— Мы рады видеть вас в этих славных стенах...

Он неопределенно махнул рукой, круто сломал заздравную речь и перешел к главному: — Свертки, кули, корзинки — словом, все домашние гостинцы положить у ног... Та-ак! А теперь в баню ша-а-гом... марш!

Когда после славной бани остриженные наголо, одетые в долгожданную флотскую форму и смертельно изголодавшиеся новобранцы пришли в спальное помещение, или, как тогда называли его, дортуар, они сразу поняли, что опоздали: старшекурсники дружно доедали их домашнюю снедь.

— Спать, господа,— сказал Меньшиков,

довольный собою,— надо на пустой желудок.

— Свое нижнее белье,— добавил старший воспитанник Звегинцев,— вы найдете под подушкой.

— Веселеньких сновидений, флотоводцы!— пожелал им гардемарин Мореншильдт.

Над дверью загорелся синий глаз ночного фонаря.

Озадаченный странным приемом, Шмидт стал раздеваться. «Не будем печалиться по пустякам,— приказал он себе.— Куда робу положим? Правильно, на банку!» — он с удовольствием назвал морскую форму и табурет по-флотски.

Поеживаясь от холода, Шмидт хотел нырнуть в ночную рубаху. Хотел, но не смог. Стриженая голова его легко проскользнула в ворот, но руки застряли в рукавах. Оказалось, рукава завязаны узлами.

Мальчик юркнул под одеяло. Согреваясь, поджал к подбородку ноги. Согревшись, пытался вытянуть их, но не смог. Они почему-то застряли на середине кровати.

«Неужели мешок?»— подумал Шмидт.

Это действительно был мешок. Тот самый мешок, который вязали еще с петровских времен. О котором ему, посмеиваясь, не однажды рассказывал отец. Стыдясь насмешек, Шмидт посмотрел на приятелей. Все они сидели в мешках. И каждый пытался развязать добротные морские узлы. Вздохи, сопения, ропот...

Скрипнула дверь, и в проеме ее выросла фигура Звегинцева:

— Что за шум, флотоводцы? Вы мешаете старшим!

Догадка опалила Шмидта:

— Ну, едондер пуп!

Услышав такое, все притихли.

— Кто это так загибает?— грозно спросил старшекурсник.

— Я,— признался Шмидт, ожидая взбучки.

— Однако!— уважительно заметил Звегинцев.— Однако! —повторил он, с интересом глядя на Шмидта.— Поучиться можно... Всем немедленно спать!

И опять жалобно скрипнула дверь, закрываясь.

— Извинился бы! —потребовал из темноты недовольным голосом Володя Лесли.— Извинись и признайся: кто научил тебя так ругаться?

— Отец,— отозвался Шмидт.

— Ну и семейка,— подал голос Гиляровский.— Сразу видно: яблоко от яблони...

— Извинишься? —настаивал Лесли.

— Нет,— ответил Шмидт.— Сначала послушай...

— Зачем?— упрямился Лесли.— Извинись!

— Пусть объяснит,— предложил Гиляровский.— Тише, господа!

В наступившей тишине звучал неторопливый голос Шмидта:

— Как-то на четвертом бастионе в Севастополе повстречал мой отец артиллерийского офицера, расстроенного чем-то. «Чем опечалены, поручик?»— спрашивает отец.

«Трудное дело, лейтенант»,— отвечает тот. «Что так?» Он объяснил: «Еще до русско-турецкой войны, во время службы в 13-й артиллерийской бригаде, что стояла под Вязьмой, я делал попытку извести в батарее грубое слово. Попытался и тут — та же реакция». «Каким же манером пытались?» — любопытствует отец. «Зачем,— стыдил я солдат и матросов,— вы такие плохие слова говорите? Просто, значит, бессмыслицу мелете. А коли бессмыслицу, то говорите, к примеру, «елки тебе палки», «эх ты, едондер пуп», «эх ты, ерфиндер», и подобное». «Отлично придумано!— похвалил артиллериста отец.— Что же служивые, поняли?» «Конечно, поняли,— отвечает поручик,— только по-своему. Интересный говорят, у нас командир, его сиятельство граф Толстой Лев Николаевич. Вот уж матерщинник: слово просто не скажет, так загибает, что и не выговоришь!»

В спальном помещении грянул хохот.

Спустя годы Лесли отметит в своих воспоминаниях: «Шмидт не любил похабщины, которая так процветает в наших закрытых военных заведениях, не любил циничных анекдотов и циничного отношения к женщинам...»

Шмидт с детства ценил доброе, чистое, честное слово. И это, конечно, сразу отметили его одногодки. Старшекурсники, как и следовало ожидать, успокоились, а Лесли спросил у Шмидта:

— Мы долго будем терпеть козни старших?

— Недолго, — ответил Шмидт. — Бог даст, мы тоже придумаем кое-что. А теперь предлагаю всем спать. Утро вечера мудренее.

3

Утро, как и предполагал Шмидт, оказалось мудренее вечера. Только бог ничего ему не дал. А придумали кое-что не его приятели, а опять старшекурсники.

Они подняли сонных отроков за полчаса до подъема и привели их в комнату для курения, где на бронзовой треноге стоял обрез с водой для окурков, называемый почему-то «трибуной для Пифий». К этой самой «трибуне» и вышел церемониальным шагом гардемарин Константинов. На вытянутых руках он бережно держал большой лист бумаги.

Шмидт, окончательно проснувшись, недоумевал: «К чему все это?»

Верхняя часть листа алела аршинными буквами: «Совершенно секретно. Конфиденциально. Единственный экземпляр». К нижней его части была прикреплена круглая коробка из-под ваксы, призванная выполнять, очевидно, функцию сургучной печати.

— Смирно!— скомандовал Константинов.— Слушай приказ...

Приказ назывался: «Правила поведения младших по отношению к старшим».

— Любое требование старшего,— с чувством читал Константинов,— есть непреложный закон для младшего!— И тут же популярно пояснял:— Надраить, скажем,

бляху, почистить ботинки или...— Он улыбнулся:— Или поделиться, как это вы благоразумно сделали вчера, домашними гостинцами... Понятно?

— Понятно!— отозвался Шмидт.

— Отлично!— повеселел Константинов и продолжал, вдохновляясь:— Любой нарушитель сего приказа немедленно наказывается...

— Как же?— опять подал голос Шмидт.

— О,— оживился Константинов,— интересуетесь, стало быть, инструментами воспитания? Способов наказаний хватает. Простейший, сами понимаете,— затрещина. Более чувствительный —«темная».— Он стал загибать пальцы: — Флотский ремень. А еще — палаш, ну, конечно, в ножнах. Параллельная линейка, между прочим, дубовая. Пальцев не хватит: швабра, голяк, сапоги... Понятно?

— Понятно!— ответствовал Шмидт.

Уловив его иронию, младшие воспитанники повеселели, а Константинов нахмурился:

— Р-разговорчики в строю!— повысил он голос, бросив гневный взгляд на Шмидта.— Любой жалобщик есть фискал. Запомните это слово, господа. Фискал — самое презренное существо на флотах... Понят...

— ...но?— закончил Шмидт.

— Та-ак,— задумчиво сказал Константинов.— Если все такие понятливые, как и этот... Фамилия?!— вдруг гаркнул он.

— Шмидт,— ответил недрогнувший голос.

— Родственник контр-адмирала Шмидта?— сбавил голос Константинов.— На какой сейчас должности Владимир Петрович после командования императорской яхтой?

— Однофамилец,— не признался Шмидт.

— Не имеет значения,— поправил себя Константинов.— Воспитанник Шмидт, два шага вперед... арш!

Шмидт повиновался.

— Поджигай!— велел ему Константинов, вручая «приказ», и повернулся к строю:— Вы обязаны помнить сей приказ, как «Отче наш», и выполнять его положения свято. Спичку!

Шмидт чиркнул спичкой, поджег бумагу.

— Понятно!

— Понятно? — сухо отрезал Константинов.— Что ж, придется ускорить ваше посвящение в воспитанники училища.— И пообещал:— Очень торжественное посвящение.

4

Группа старшекурсников во главе с Меньшиковым неторопливо поднялась на высокий холм в углу училищного двора. Холм этот почему-то назывался «Тарпейской скалой». Вот на эту «скалу» и стали по списку вызывать новичков.

Первым оказался Николай Гиляровский. Четверо старших подхватили побледневшего отрока за руки и за ноги, оторвали его от земли, энергично раскачали и под жизнерадостный возглас: «Пошел!» — швырнули вниз со «скалы». Такая же участь ожидала всех.

Не обращая внимания на собственные синяки и шишки, Шмидт и Лесли массажировали ушибленное плечо стонущему Ставраки.

— Бросьте!— посоветовали им со «скалы».— Сейчас прокатим вас на перекладных — все забудется.

Они и здесь оказались правыми, неутомимые выдумщики. Катание вершилось вокруг той же «Тарпейской скалы».

Разбившись на пары, старшекурсники образовали большой круг. Меньшиков и его приближенные — Константинов, Звегинцев, Васильев, Мореншильдт остались на «скале», дабы лучше все лицезреть.

Вызванный ими новобранец обреченно выходил из строя. Первая пара юношей брала отрока за руки и с веселым гиканьем устремлялась по кругу, чтобы передать его второй паре. Вторая — соответственно третьей. Третья — четвертой. И так по кругу.

Конец наступал тогда, когда «седок» окончательно выбивался из сил и валился на землю.

По мере приближения очереди Ставраки лицо его все больше бледнело. На первом круге он еще держался — только пыхтел. На втором захныкал. А на пятом не выдержал и отчаянным криком: «Помогите!»— известил всех о первом нарушении накануне зачитанного приказа.

— Держись! — отозвался Шмидт. — Я сейчас!— И бросился выручать приятеля, тем самым также нарушая приказ. Кулак

кого-то из старшекурсников опереднл его.

— Не позволю!— вскочил иа ногн Шмидт.— Это возмутнтельно!

Но старшекурсникн, оказалось, были возмущены не меиьше, чем Шмидт:

— Бунт на корабле?!

И, бросив обмякшего Ставракн, онн прниялись усмирять буитовщнка. Оии «катали» Шмидта до тех пор, пока ои совершеиио ие обесснлел.

Дождавшись, когда Шмидт обретет дар речи, Меиьшиков, спустнвшийся по такому экстренному случаю со «скалы», строго спросил: «Еще будешь иарушать приказ?»

— Камеиь!— потребовал ои, услышав упрямое: «Буду!»

Приволокли точильный камень. На нем Меиьшиков прииялся «затачнвать» ногтн строптивому Шмидту. Точнл он долго, старательио — до кровн. Но так ннчего не добился: Шмндт стоял на своем...

5

Все это автор не придумал. Владимнр Лесли вспомниает: старшекурсиики «на точнльном камне точнли нам ногти на руках, что причиияло иепереносимую боль». Если бы кто-инбудь из иас вздумал бы жаловаться, то иас обещалн «нзбить так, что прндется иестн в лазарет».

Невольно подумалось: какое же влияиие оказалн этн нравы иа молодого Шмндта? И вообще, какую роль онн игралн в воспнтаиии флотских офицеров?

Бурсы, как ии покажется это странным, тоже берут иачало со времен Петра. Создавая флот, он, конечно, заботился н о закалке будущих офицеров. А потому, решнл однажды крутой царь, воспитанннков Морского училища, «которые обучаться будут леииво и другне всякие предерзостн чииить, таких наказывать: бнть батогами...».

Так в далекие годы велась борьба с ленью. С ленью думать, учиться, трудиться. И батогамн нлн прутьями для телесных иаказаннй секлн по-разному: «келейно», «прн роте», а особлнво ленивых — «прн корпусе».

После смертн Петра такая форма воспитання обрела иной смысл: от прниуждеиия думать — к прииуждеиию ие думать. Горячнм сторонииком последиего был император Нколай Первый.

Однажды он посетил училнще, к которому нспытывал плохо скрываемую непрнязнь. Поводом для посещения стал отказ гардемарннов от казениой еды. Как вспомииал участннк бунта, а во время учебы Петра Шмндта управляющнй Морским ведомством адмнрал И. А. Шестаков (чьн воспомннаиия автору прнвелось чнтать в отделе рукописей публичной бнблнотекн именн М. Е. Салтыкова-Щедрина), государь постронл хмурых юиошей во фрунт, обозвал их всяко, а в коице заявил, что ему, а стало быть, России н флоту «нужны лбы, а не головы».

Такой вывод, естественно, не вызвал оваций у будущнх морских офицеров. Однн нз них вышел нз строя н заявнл, что это он организовал протест в столовой, нбо настоя-

щие моряки считают, что Росснн и флоту нужны как раз головы, а ие лбы.

За возмутнтельные син слова государь разжаловал дерзкого гардемарнна в матросы и приказал высечь его «прн корпусе». Не осталнсь без высочайшего виимания и другие: больше половииы юиошей, в том числе и будущего известного адмирала Шестакова, ои отчислил из учнлища.

Приведенный факт ие исключенне. Батоги, розги, шпицрутены, командоваиие «лбов» над «головами» отличалн процесс воспитаиия в училище, особенио в перноды реакцни. Через это испытаине прошли все, даже выдающнеся русскне флотоводцы. «Старшне жили совершенио барами»,— вздыхал в своем дневнике десятнлетннй воспитанник. Ему приходилось, «когда старшим захочется, чесать у них пятки...». Имя юного моряка вскоре станет всеотчизио известио. Это — вице-адмнрал Степаи Осиповнч Макаров. «Телесные наказаиия,— отмечал моряк-декабрнст Д. И. Завалишин,— были общепрннято̆й и даже как бы обязательной снстемой».

Разве такое можно забыть? Никогда! Даже на склоне лет миогне выпускники училища вздрагивали, вспомнная суровые условия воспитаиия.

Офицерамн-воспнтателямн нередко назначалнсь офнцеры, выгиаииые с флотов за непрнгодностью. Именно таким был лейтеиаит Верховский — первый ротный командир юного Шмидта.

Как-то во время игры в городки дубовая чурка угодила в голову замешкавшемуся

Ставракн. Его, получившего серьезную рану, прншлось отнестн в лазарет. Узнав о ЧП, ротиый искреиие разволновался: «А еслн бы вы, ие дай бог, разбнлн окио начальиика училища?»

Начальнника учнлнща контр-адмирала А. П. Епанчииа ротный боялся смертельио. Он дрожал прн одном упомнианнн нмеии адмнрала. Но боялся его совершеино напрасно.

Алексей Павлович Епаичии, которого воспитаиииикн любовио называлн «папаша», был в ту суровую пору весьма редкнм, а потому и особеиио дорогнм нсключеннем.

Государи предпочитали другнх начальников, которые делалн ставку иа «лбы», иа жестокость, стремнлись воспитать безотказных защитнников престола.

Но из одиих н тех же стеи выходили разные людн: декабрнсты н их палачн, революцноиеры н черносотеицы.

Существовавшне нравы прнтупляли волю одиих, но закалялн характер других. Одни морально опускалнсь, а другне, протестуя, возвышалнсь.

Таков в общнх чертах механнзм, когда из самого привнлегированного в Россин военно-морского учебного заведеиня выходнли в жнзиь очень не похожне друг на друга людн: иизвергателн трона и верные стражи его, «головы» и «лбы»...

6

Мог ли стать нсключеннем хотя бы однн выпуск? Отнюдь! Вот судьба только иекоторых, которых зиал юиый Шмидт.

Саша Крылов, сразу вызвавший симпатню Шмндта, станет знаменитым математнком н кораблестронтелем. О светлой голове старшего товарнща Шмндт узнает еще в училнще. Но ему не суждеио будет узнать, что А. Н. Крылов, впоследствни академнк, безоговорочио встаиет на сторону тех высокнх идеалов, за которые ои, Шмндт, отдаст жнзнь, и Роднна удостонт Крылова высокого зваиия Героя Социалнстического Труда.

Недобрую память о себе оставнт в судьбе Шмндта Миханл Меньшиков. Ои, как и Звегннцев, броснт флот н к 1905 году станет одним нз самых реакцноиных журналистов черносотенной газеты «Новое время», в которой будет облнвать ушатамн грязн моряка-революцнонера лейтенанта П. П. Шмидта. «Господнн Меньшнков и его восторжеиное благонравне» — так озаглавнт статью Шмндт, которую иапншет после Цусимского сражения, подпишет ее псевдоинмом Прометей, но так н не сможет опубликовать.

Шмидт иазывает Меньшнкова в статье «нововременскнм двулнкнм Яиусом» и, в частиостн, пнщет: «...взглянните, хотя бы, г-и Меньшнков, иа тот лнст бумаги, иа котором иапечатаны вашн «скорбиые» письма. На ием большой план Цуснмского погрома. И ваша редакцня имеет «мужество» описывать это нзбиенне во всех его подробностях, позабыв о том, что нменио те барабаино-патриотнческне статьи, которые иаполияли столбцы «Нового временн», н былн одиой из немалых причнн этой морской авантюры, окончнвшейся так трагнческн!

Но мы-то, русскне люди, ие забываем этого. Мы не хотим успокоеиня. Русский народ не может, ие должен прощать виновиков понесеиных утрат...»

Давио замечено: трещииа в различиом поиманин моральиых цеиностей, обозначающаяся еще в юностн, с годами, как правило, превращается в пропасть.

Именно такая пропасть в духовиой, этнической сфере образуется к 1905 году между Шмидтом н Мореншильдтом, Коистаитиновым н Васильевым. Трн моиархиста, три бравых «лба», они дослужатся до комаидиров кораблей черноморской эскадры и в самый разгар «севастопольского пожара» (термин В. И. Леииа) стаиут в упор расстрелнвать восставшнй «Очаков», с борта которого комаидующнй флотом граждаиин Шмндт успеет послать царю телеграмму с требованием немедленного созыва Учреднтельиого собраиия. А потом онн же в качестве «беспрнстрастиых» судей выиесут смертный приговор иесломлеиному Шмидту.

А что можно сказать о выпуске Шмидта? Пройдут годы, и каждый из сокурсииков Шмндта обретет свое лицо и свою судьбу.

Тихоия Гиляровский, иапример, стаиет старшим офнцером броиеиосца «Киязь Потемкнн-Таврический» и за зверское обращенне с инжннми чниамн будет казиеи восставшимн матросами и выброшен за борт. Гордый дворяиин Володя Леслн, сыи адмирала, станет сражаться за Советскую власть и передаст Музею Революции СССР теплые воспоминаиия о товарнще юностн Петре

Шмидте. Самолюбивый Карказ к 1918 году дослужится до генерала, но судить его будут все же матросы: они напомнят ему все его издевательства над плененным Шмидтом и единодушно приговорят генерала к расстрелу. По разные стороны баррикады окажутся Шмидт и Ставраки.

Все это, однако, будет потом.

А пока Шмидт, Ставраки, Гиляровский, Лесли — все тридцать новобранцев российского флота подошли лишь к первому в своей жизни серьезному экзамену.

7

Тихий вечер опустился на Петербург. Наступил свободный час. И молодые воспитанники получили возможность сесть за письма к родным и близким.

«Как мне хочется домой!» — восклицал в письме к отцу Ставраки после памятных «катаний» на перекладинах.

Писал письмо и Шмидт. Писал с большим трудом. Он дул на ноющие от боли пальцы и медленно, букву за буквой, выводил: «Бердянск... Евгении Тилло»

Из письма П. П. Шмидта к Е. Тилло

...Итак, я пребываю у хладных невских берегов, в туманном Петербурге. Вернее сказать, безвыходно живу в разлюбезном здании училища. Необычайная злость овладевает мною!

«Отчего именно злость?» — спросите вы.

А вот слушайте. Представьте себе идеалиста, да еще вдобавок молодого, который

верит в существование хорошего и чистого на нашей земле. Это верование составляет одно из основных начал его убеждений, во имя которых он существует... И вот наш идеалист попадает в среду полнейшего разврата и грубой глупости. На каждом шагу он видит пошлое надругательство над всем, что свято для него. Он видит очень много совсем еще молодых, но уже испорченных до крайности людей. Каково его состояние?

Сперва он убегает от этого общества, но это невозможно. Тогда, переломив себя, он входит в него и всеми своими молодыми силенками старается влиять на окружающих. Но куда ему до влияния? Он еще сам нуждается во влиянии. Конечно, все его усилия показывают ему его собственную слабость и ничего, кроме врагов, не приносят. После этого и наступает мое нынешнее состояние гнева.

Я кляну своих старших товарищей, порою просто ненавижу их. Я кляну судьбу, что она бросила меня в среду, где я не могу устроить свою жизнь, как хочу, и — грубею. Наконец, я боюсь за самого себя. Мне кажется, что такое общество слишком быстро ведет меня по пути разочарования. На другого, может быть, это не действовало бы так сильно, но я до болезни впечатлителен...

И все же я верю в людей и, конечно, в них же самих ищу опоры для своей веры!

Из воспоминаний В. Лесли

...Мы не долго позволяли над собой издеваться. Недели через две, когда издева-

тельства старших довели Ставраки до слез и мы горячо обсуждали, как на это реагировать, Шмидт влез на конторку и произнес следующую речь:

— Господа! Каждый из вас, наверное, не ожидал того унижения, которое нам сейчас приходится испытывать. Наше подчинение режиму, созданному старшим отделением, позорно! Если это не прекратить, то мы превратимся в скотов. Так будем же бороться с ними их же способом — кулаками. Что лучше, спрашиваю я вас: быть битым и покорно подставлять свою спину или быть битым и при этом давать сдачу? Довольно! С этого дня даем клятву: образуем сплоченный коллектив, о который, я уверен, разобьются все привилегии старших мучить младших!

Это, вероятно, была самая первая «революционная речь», сказанная Шмидтом.

«Ура! Здорово! Молодец, Шмидт!» — закричали мы в один голос.

Вскоре произошла грандиозная драка. После нее поддерживать глупые традиции охотников более не находилось.

Глава III

1

Морские традиции.

Это были первые слова, которые Шмидт записал на первом занятии. С них начал свою беседу у модели брига «Наварин»

контр-адмирал Епанчин, иачальиик Морского училища.

— Если вам кто-нибудь скажет, что начало им положил британский флот, не верьте! Русский флот, который считают сравнительио поздним учреждеиием, имеет в действительности большие права на древиость, чем флот бритаиский. Тысячу лет назад первейшими моряками своего времеии были русские! Что же такое морские традиции? Прежде всего они связаиы с любовью к морю, плаваиью, кораблю.

«Сломай дом — построй корабль»,— завещали наши предки — веды, аиты, руссы. «Сей иарод,— говорил о иих визаитиец Лев Диакои,— отважеи до безумия, храбр, силеи». Потомки этого иарода — поляне, древляне, северяне, кривичи, радимичи, дулебы, вятичи частенько ломали дом, дабы построить ладьи и по Русскому (Черному) морю плыть в столицу Визаитии Царьград (Коистаитииополь).

Так было и в 907 году, когда «с сими со всеми поиде Олег иа конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И повеси Олег щит свой в вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда...».

Шмидт протисиулся поближе к коитр-адмиралу Епанчину, чтобы записать название стариииой киигн в кожаном переплете, строки из которой он только что зачитал. «Древиий текст летописи Нестора» изывалась она. Издаиа была в 1846 году. Шмидт решил: «Возьму в библиотеке и начну изучать морские традиции с иее...»

— Что такое морские традиции? — продолжал Епанчин, жестом приглашая воспитанников стать вокруг модели брига.— Это — верность военно-морскому флагу. Вот он поднят на кормовом флагштоке... На носу? — повторил он чей-то нетерпеливый вопрос.— На носу, на форштевне вы видите гюйс. Нет, на ходу корабль его не несет. После подъема якоря или отдачи швартовов он убирается, а флаг переносится... Кто ответит? Правильно, воспитанник Шмидт! Переносится сюда — на гафель... Зачем еще один флаг с длинными косицами? Это не флаг. Это вымпел. Он означает готовность корабля к бою и походу. А рядом с ним брейд-вымпел. Он сообщает эскадре: ее командир на моем борту... Но не будем забегать вперед. Обо всем этом вы скоро услышите на уроках морской практики. Сейчас же,—подналег на голос Епанчин,— вы должны на всю свою жизнь запомнить важнейшую статью из первого Морского устава Петра. Она гласит: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели под страхом лишения живота своего». Этот закон, выполняемый не за страх, а за совесть всеми русскими моряками, свят и поныне. Наш флот в течение почти 180 лет провел около 20 крупных сражений и во всех — во всех! — одержал блистательные победы. Мы более семидесяти раз заставляли противника опускать флаги перед кораблями русского флота и ни разу — ни разу! — не уронили чести российского флага.

Шмидт даже не заметил, как пролетело несколько часов. Беседа у брига «Наварин», подробное знакомство с собранными в актовом зале реликвиями флота, посещение училищного музея, где были выставлены личные вещи прославленных флотоводцев и первооткрывателей, экспонаты, доставленные экспедициями Лазарева, Крузенштерна, Беллинсгаузена, экскурсия по училищной картинной галерее, по учебным классам, лабораториям и кабинетам мореходной астрономии, навигации, морской практики — все это произвело на Петра Шмидта огромное впечатление.

Через несколько дней разговор о морских традициях был продолжен. Теперь должны были выступать сами воспитанники. И каждый имел возможность рассказать об отце, родственнике, о мореплавателе или государственном деятеле, которые на юношу оказали то или иное влияние.

Шмидт с интересом слушал Костю Толстого, которому досталось выступать первым. Он говорил о Петре Первом. Говорил увлеченно, горячо.

«На Костю, наверное, можно во всем положиться»,— подумал Шмидт и с любопытством посмотрел на Николая Шестакова, второго выступающего.

— В Севастополе есть памятник адмиралу Лазареву,— так начал он.— Когда его открывали, мой дядя, контр-адмирал, произнес такую речь.— Шестаков достал лист бумаги и стал читать: — «Снова любимый лик предстал перед нами, и мы, свидетели дел

адмирала, стеклись у подножия этого памятника напомнить России о ее достойном сыне и деятеле. Не гражданская доблесть, выказанная Михаилом Петровичем в молодых еще годах, не Наваринский бой, в котором «Азов» стяжал память, достойную ревностного хранения, не эти деяния, достаточные для озарения всякой жизни лучами известности, передают имя Михаила Петровича потомству. Труд упорный, неослабный, не утомлявшийся препятствиями, польза истинная, не доставляющая выгод труженику, безграничное усердие к обязанности, целая жизнь, отданная долгу,— вот из чего вылит этот знаменательный памятник...» Памятник Лазареву,— добавил Николай,— открыли 9 сентября 1867 года. В этот день я родился. Надо ли говорить, кого я взял себе в пример, достойный подражания?

Следующий был Володя Лесли. Тот сразу завладел вниманием класса, едва прочитал первые строки пожелтевшего от времени письма:

— «Грустно мне писать это письмо, дорогие мои друзья, но что же делать?.. 28-го числа в 6 часов вечера ранен штуцерной пулей Павел Степанович Нахимов... Все окружавшие его так и охнули, и у всех опустились руки. Я побежал поскорее за носилками и потом уже увидел, как его сносят с моей батареи. Между прочим, кровь из раны струится, я схватил свой носовой платок и перевязал им голову Павла Степановича... Сию секунду прислали нам сказать, что Павел Степанович умер. Мир праху твоему, доб-

рый наш начальник, и вечная память...» Это случилось,— сказал Лесли,— на 267-й день обороны Севастополя. А письмо написал мой отец.

Шмидт должен был выступать одним из последних. Он подготовил рассказ о другом герое Севастопольского сражения — адмирале В. А. Корнилове, под чьим командованием начинал службу его отец. Но, вспомнив отца, неожиданно подумал о любознательном юнге Макарове. Когда они шли по набережной к училищу из Петропавловского собора, старший Шмидт вдруг сказал:

— Если Петр Первый в твоем возрасте был каютным юнгой, то четырнадцатилетний кадет Степан Макаров — запомни это имя! — был просто юнгой, но за свою любознательность, за свое неуемное желание все узнать, испытать, самому попробовать был прозван «анфанчиком». От французского слова enfante — ребенок, которому до всего есть дело. В четырнадцать лет Степан Макаров плавал на корвете «Богатырь» под флагом адмирала А. А. Попова. Андрей Александрович отличался крайней строгостью и скупостью на похвалы. И тем не менее он приказал кадету столоваться у себя в адмиральской каюте, а при расставании подарил ему карточку с надписью: «Моему молодому другу С. Макарову на память о приятных и в особенности неприятных днях, проведенных им со мною». Такое, согласитесь, надо уметь заслужить. И еще. По особому высочайшему повелению Степан Макаров «не в пример прочим» сразу был произведен в гар-

демарины флота. Признаюсь, я был бы рад, если бы ты стал похож на Макарова...

«Решено,— подумал Шмидт.— Буду говорить о Макарове».

2

Первые месяцы учебы не сломили Шмидта. Наоборот. Еще больше укрепили в справедливости тех нравственных ориентиров, которые он обрел в семье.

Приятели быстро оценили это. Шмидт стал их признанным лидером, а за любовь к наукам, особенно общественным, они стали называть его Магистром.

Пришла пора рождественских праздников. Воспитанники получили подарок, о котором грезили давно,— право на увольнение. А увольняли тех, кто имел в Петербурге родственников или приглашение к родственникам приятелей.

Шмидт решил отправиться к дяде и взял с собой Ставраки, уступив его просьбам.

По пути на Английскую набережную, где находился дом контр-адмирала В. П. Шмидта, им встретился Саша Крылов.

Крылов дружески обнял Шмидта:

— Мог бы на рождество и ко мне заглянуть, но боюсь, что мне самому придется вернуться в училище.

— Почему же? — огорчился Шмидт.

— Дело в том, что к нам часто приходит в гости Вера Николаевна Фигнер со своими сестрами. И в таких случаях мать меня всегда отправляет в училище ночевать.

— Места мало?

— Сколько угодно,— улыбнулся Александр.— Причина другая. Мама ограждает меня от разных «вольных» мыслей. Впрочем,— добавил он,— я, очевидно, обязан так же относиться и к тебе?..

«Много было в старой России людей, недовольных существующим строем,— напишет в зрелые годы А. Н. Крылов.— В детстве я встречался с известными революционерками — сестрами Фигнер. Они приходились нам свойственниками и бывали у моих родителей вместе со своими друзьями».

— Совсем наоборот. Давай рассказывай! — попросил Шмидт.

Оживленно беседуя, Шмидт и Крылов отстали от Ставраки. Им было о чем поговорить. Расстались они с сожалением.

А у дубовой двери с медной табличкой «Контр-адмирал В. П. Шмидт» воспитанников ждал новый сюрприз — они столкнулись с мичманом Меньшиковым (ему два месяца назад присвоили это звание) и с еще одним незнакомым флотским офицером.

— Лейтенант Суханов,— представился офицер, здороваясь за руку с воспитанниками.

«Ну и рука! — подумал Шмидт, потирая от боли ладонь.— Кто он: кузнец или офицер?»

— А вы, я вижу, уже знакомы? — продолжал Суханов, изучая удивленные лица.

— Знакомы,— бросил хмурый взгляд на Меньшикова Шмидт.

— Немного,— покорно вздохиул Ставраки.

— А как же! — расшаркался Меньшиков, пропуская вперед молодых.— Прошу, господа флотоводцы!

— Кого я вижу? — обрадовался Владнмир Петрович.— Здравствуйте, мои милые юиги. Раздевайтесь и милости прошу — сразу к столу.

Но лейтенант не последовал приглашению:

— Вам пакет нз штаба, ваше превосходнтельство.

— Спасибо, голубчик. Срочный?

— Нет, без грифа.

— Вот и хорошо. Сиимайте шннель, Нніколай Евгеиьевич. У вас, иадеюсь, есть свободиое время после дежурства в штабе?

— К сожаленню, не могу, Владимир Петрович,— учтиво, но твердо ответнл Суханов.— Меня ждут.

— Подруга? — понимающе улыбнулся адмирал.

— Друзья,— сказал лейтенаит. Он спокойио встретнл уднвленный взгляд адмирала: — Позвольте поздравить вас с высокнм назиачеинем. На новом посту у вас, Владимнр Петрович, как мы поиимаем, открываются еще более широкие перспективы для вериой службы народу, отечеству...

«...И государю»,— мысленно закончнл Шмндт речь Суханова.

Однако лейтеиаит не сказал этнх слов, а, отдав честь, попрощался:

— С Новым годом, господа!

Шмндт догнал его на лестннце, выдохнул: «А государю?»

— Мой молодой друг,— заглянул Суханов в глаза Шмндту,— служнть государю надлежит до тех пор, пока его ннтересы не станут расходнться с ннтересамн народа.

— Но позвольте...

— А служнть народу, я считаю, есть первый н прямой долг каждого. Нлн вы думаете нначе?

— Так же! — ответнл Шмндт горячо н нскренне.

— Мне нравятся вашн глаза,— добавнл Суханов.— Онн чнстые и пытлнвые одновременно.— Он подал руку Шмндту: — Пусть онн всегда такими н останутся!

Шмндт с чувством пожал руку Суханову.

«Какой удннвительно интересный человек! — думал Шмидт, провожая взглядом стройную фнгуру лейтенанта.— Только вот рука у него, как у землекопа, вся ладонь в мозолях. Странно...»

Николай Евгеньевнч Суханов в свое время с отлнчием окончил учебное заведенне, где сейчас учился Шмндт. Стал служнть ревнзором на паровой шхуне в Снбнрском флотском экнпаже на Тнхом океане. Вскоре честный офнцер разоблачнл группу казнокрадов в морских мундирах. Преступников судилн, осудили и... «высочайше помнловалн». А Суханова стали преследовать н добилнсь, чтобы его отозвалн в Петербург, где он через какое-то время сблнзился с такимн же, как и он, протнвниками самодержавня. Ко временн знакомства с ннм Петра Шмидта

Суханов был уже членом Исполнительного комитета «Народной воли», возглавляя ее Военную организацию.

Ни Шмидт, ни его дядя адмирал, ни многие приятели Суханова и не подозревали, какой образ жизни он ведет. Утром Суханов служил морю в Гвардейском флотском экипаже, день отдавал науке, посещая занятия в Университете, а вечер — служению революции.

Когда темнело, он приходил в сырную лавку, что стояла на Малой Садовой улице, неподалеку от Невского, приносил взрывчатку, минные запасы. И ночь напролет (не счесть, сколько их было!) вместе с Андреем Желябовым готовил покушение на жизнь царя, делая подкоп под дорогу, по которой часто проезжал царь.

Очень скоро юному Шмидту, проявляющему все возрастающий интерес к взглядам народников и народовольцев, откроется тайна Суханова. И на всю жизнь Петр Шмидт сохранит светлую память об этом удивительном человеке.

3

Первый день весны выдался ясным и солнечным.

— Весь год, значит, будет прекрасным,— предположил Петр Шмидт, расстегивая верхние пуговицы шинели.

— Вероятно,— согласился с ним дядя и застегнул его шинель.— Форму одежды, юнга, надо соблюдать и в выходные дни.

Было воскресенье. Адмирал и юнга, посетившие утром кунсткамеру, решили прогуляться по улицам Петербурга. Они прошлись по Невскому, погуляли в Летнем саду, мимо Михайловского дворца направились в сторону Екатерининского канала. По дороге обогнали двух прохожих. Шмидт отметил: один из них, с бородкой клинышком и проницательными черными глазами, удивительно напоминал Мефистофеля из иллюстраций к «Фаусту» Гёте, а второй — капитана дальнего плавания, своей широкой, вразвалочку, походкой. Контр-адмирал раскланялся с ними.

— Кто это? — спросил Шмидт.

— С бородкой — Николай Васильевич Шелгунов, редактор новомодного журнала «Дело»,— ответил Владимир Петрович.— Второго не знаю.

С гиком и свистом мимо них промчались казаки. Копья наперевес, шашки наголо. Следом пронеслись два лихача. Один возница крикнул другому:

— Семеныч, слыхал? Батюшку царя на четыре части взорвали...

— Что такое! — встревожился Владимир Петрович.— Господа, вы не объясните? — обратился он к тем, с кем только что поздоровался.

— Бомба,— сказал Шелгунов.— Покушение на Александра II.

Это произошло на Екатерининском канале. Две самодельные бомбы народовольцев были брошены в карету царя. Он скончался через час и пятнадцать минут. Погиб и тот,

кто бросил вторую бомбу,— народоволец Игнатий Гриневицкий.

«Воля всевышнего свершилась; господу богу угодно было призвать к себе возлюбленного монарха»,— читал вечером в училище экстренный выпуск «Правительственного вестника» Петр Шмидт.

— Чья воля? — переспросил Ставраки.

— Всевышнего,— повторил Шмидт и удивился: — Воля всевышнего — воля народа? Вот так текст!

По улицам Петербурга бегали городовые, запирали кабаки, разгоняли народ, обсуждавший цареубийство. Правительство боялось бунта. Думали, что бомба злоумышленников — сигнал к началу восстания.

Вечером, возвращаясь в училище, Шмидт задержался на Дворцовой площади. Все чего-то ждали. И вот на балконе над Салтыковским подъездом Зимнего дворца появился генерал-адъютант Лорис-Меликов. Жестом призвав к тишине, он возгласил о вступлении на престол Александра III.

В ночь на 2 марта Шмидт долго не мог уснуть. В смятении мыслей и чувств переживал он случившееся: «Что будет дальше? Каков новый царь? Как поведут себя народовольцы?»

Шмидту не долго пришлось ждать ответа на последний вопрос. Однажды — это была середина марта — Володя Лесли заглянул в курилку:

— Господа, смотрите, что я достал в старшей роте. Это — манифест народовольцев. Он отпечатан в сотнях экземпляров. Ра-

зослаи по миогим адресам, а одии — иа имя Алексаидра III... Нилов, посторожи у дверей. Магистр, читай!

«Ваше величество! — иачал читать Шмидт.— Вполие поиимая то тягостиое иастроеиие, которое вы испытываете в иастоящие минуты, Исполиительиый комитет ие считает, одиако, себя вправе поддаваться чувству естествеииой деликатиости, требующей, может быть, для иижеследующего объясиеиия выждать иекоторое время. Есть нечто высшее, чем самые закоииые чувства человека: это долг перед родиой страиой...»

Ои перевел дух. Посмотрел иа товарищей. Оии слушали с иапряжеииым виимаиием. В их глазах было восхищеиие, удивлеиие, испуг.

«...Мы ие ставим Вам условий,— продолжал Шмидт.— Пусть ие шокирует Вас иаше предложеиие. Условия, которые иеобходимы для того, чтобы революциоииое движеиие заменилось мириой работой, создаиы ие иами, а историей. Мы ие ставим, а только иапомииаем их.

Этих условий, по иашему миеиию, два:

1. Общая амиистия по всем политическим преступлеииям прошлого времеии, так как это были ие преступлеиия, ио исполиеиие граждаиского долга.

2. Созыв представителей от всего русского иарода для пересмотра существующих форм государствеииой и обществеииой жизии и переделки их сообразно с народными желаииями».

— Революциоиеры,— поясиил Шмидт,— требуют, стало быть, созыва Народиого или Учредительиого собраиия.— Обериулся к Нилову: — Порядок?

— Полиый! — доиеслось от двери.— Никого! Что там дальше?

Шмидт склоиился к маиифесту:

«Итак, Ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От Вас зависит выбор...»

— Полуидра! — крикиул Нилов.— На горизоите ротиый с каким-то жаидармом... Бежим?

— Ни с места! — приказал Шмидт.— У кого есть спички? Быстрее...— Ои разорвал маиифест, поджег клочки бумаги, повериулся к Толстому: — Костя, песию!

Толстой сразу затяиул фальцетом:

Прощай, мой Петербург прекрасный,
Отчизна, родина моя!
Погибну я, пловец иесчастный,
Средь бурь, волнующих моря!

И тут же гряиул дружный хор: «Погибиу я, пловец иесчастиый...»

— А оии, представьте себе, еще поют,— то ли извииился, то ли похвастался перед жандармом ротиый, входя в помещеиие.

— Смирио! — скомаидовал Шмидт и четко доложил: — Воспитаииики пятой роты, господии лейтеиаит, готовят репертуар к морской практике в Кроиштадте.

Ротиый, заметил Шмидт, был чем-то взволиоваи. Ои ие подал комаиды «Вольно», забыл, иавериое, и повел страииую речь. Кто-то, оказывается, прииес в училище какую-то прокламацию. И оиа уже бродит по

рукам, будоража, как выразнлся ротиый, «совсем еще иеокрепшне умы».

— Представляете? — покрасиел от возмущення лейтенант.— Грязиая прокламацня нигилистов в иаших стеиах!

Шмидт и переднне ряды воспитанинков сохранялн серьезное выражение лиц, но товарнщн, стоящне за их спинами, позволнлн себе улыбнуться. Их улыбки сразу погаслн, когда жаидарм двниулся иа запах жжеиой бумаги...

— Господа! — повысил голос ротиый.— Или вы скажете, где находится упомянутая мною прокламацня илн я... илн мы,— он выразнтельно посмотрел иа жандарма,— прикажем вам немедлеиио вывернуть свои карманы.

Он не успел закончить предложенне, а карманы уже былн вывернуты. Воспитаниикн гляделн иа растеряииого ротного и улыбалнсь. Жандарм тоже скрнвился в улыбке:

— Нам тут, кажется, делать нечего,— и пошел к выходу.

— Две иедели без берега,— обрел дар речн ротиый.— Всем!

4

Две иеделн ие прошло, а «берег» все же состоялся. По прнказу свыше в Морском ведомстве решнлн: будущне защнтннки престола должиы зиать, как поступают с теми, кто подинмает руку иа государя.

На всю жизнь запомннл Шмндт этот деиь — 3 апреля 1881 года.

Воспитанников подняли раньше обычного, построили и привели к входу на Семеновский плац. Вдалеке в туманном мареве виднелась виселица. Им велено было стоять у входа и не пускать на мостовую людей, которые уже толпились за их спинами.

«Везут»,— услышал Шмидт чей-то взволнованный шепот. Натянутую тишину нарушили постепенно нарастающий грохот кованых колес, цоканье копыт, резкие выкрики городовых, полицейских, казаков.

Медленно двигались черные колесницы, запряженные черными лошадьми. На платформе сидели одетые в арестантские черные халаты и клобуки пятеро революционеров — Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Николай Рысаков и Тимофей Михайлов.

Шмидту показалось, что он уловил взгляды Желябова и Перовской. «Сколько мужества и гордой силы в них!» — с восхищением подумал Шмидт, и в памяти, пронзив сердце горечью, всплыли слова матери: «Они — добрые, хорошие люди! Оправдают ли их?» Два года назад их оправдали, а вот сейчас...

После казни народовольцев Шмидт возвращался в училище глубоко потрясенным. Такой тяжести, такого острого чувства непоправимой утраты еще не было у него после смерти матери. И не с кем было поделиться невыносимой сердечной болью.

5

«...Революционеры исчерпали себя 1-ым марта,— писал В. И. Ленин,— в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»[1]. И все же, «несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория»[2], народовольцы, заключил В. И. Ленин, «сумели сыграть громадную роль в русской истории...»[3]. Они способствовали и политическому пробуждению молодого Шмидта.

Арест Николая Евгеньевича Суханова ошеломил Шмидта.

Прошло лишь несколько недель после казни Андрея Желябова и его друзей. Воспитанники еще горячо обсуждали, переживали все случившееся на Семеновском плацу. Начальство упрямо вбивало в их головы мысль: «Народовольцы — нигилисты, выгнанные из институтов студенты, изгои русского общества; их бредовые идеи совершенно чужды офицерской среде...» И вдруг: в морской офицерской касте обнаружен народоволец!

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 44.
[2] Там же, т. 4, с. 176.
[3] Там же.

Оставаясь один, Шмидт еще и еще раз пытался понять мотивы поступков Суханова. Вспоминал и думал, думал и вспоминал.

Вскоре после первой встречи с Сухановым Петр уговорил дядю рассказать о так поразившем его офицере.

— Ладно,— согласился Владимир Петрович.— Я расскажу о Суханове, каким я его знаю. А выводы сделай сам. Сейчас это блестящий, образованный офицер, а в молодости он немало накуролесил...

Вот что узнал Шмидт. В училище гардемарин Суханов увлекался социологией и философией. Он где-то доставал и постоянно читал книги Лассаля, Чернышевского, Герцена... «Зачем он это делал? — искренне недоумевал Владимир Петрович.— Все прочили Суханову блестящую карьеру. Он воплощал в себе лучшие качества морского офицера: волю и собранность, благородство и честь, чувство нового и тягу к знаниям... Но именно эта неуемная тяга к знаниям, причем к знаниям общественным, а не техническим, и сбила Суханова с верного курса, увела его в сторону...»

Далее Суханов, узнал Шмидт, организовал вместе с товарищами кружок самообразования. В кружке обсуждался вопрос о будущей революции в России, о борьбе за всеобщее благо народа, о необходимости созыва Учредительного собрания. Обо всем этом узнало училищное начальство. Было арестовано 25 человек. В карцере Суханов предложил сознаться всем лишь в стремлении к самообразованию. За эту уловку ухватилось

н растеряииое начальство. Зачем, решило оио, выиосить сор нз нзбы? Дело замяли, иаказав иекоторых лишеннем увольнення.

— Из всего этого,— подчеркиул Шмндту дядя,— тебе надо извлечь правильный урок. Спотккуться может каждый. Но иадо суметь ие упасть. А еще важиее — не спотыкаться иа одном и том же. Суханов, убежден, ие повторит прошлых ошнбок. Поэтому твое восхнщение им как отлнчиым морским офицером я вполне разделяю.

Молодой Шмидт с удовлетвореннем восприиял последние слова дяди.

— Нмколая Евгеньевича ожидает прекрасное будущее,— завершил свой рассказ тогда Владимнр Петровнч Шмидт.— Ои весьма эрудирован, умеи н иастойчив. Ему свойствениы строгие принципы н кристальиая честность. Ну, а заблуждеиня юностн... Кто от иих гараитироваи?

«Но почему же, почему этот блестящнй морской офицер встал иа путь революционной борьбы?» — такой вопрос постояино мучнл Петра Шмидта, когда он чнтал скупые газетные сообщеиня о подготовке суда над иародовольцами.

Ответ дал сам Сухаиов в своей яркой речи на суде.

— Я никогда бы ие стал террористом,— говорнл Суханов,— если бы не ужасиое положеиие иарода. Я иикогда бы ие стал террористом, если бы ие видел в Сибири оборваииых н голодиых ссыльных, лншенных вся-

кой умственной деятельности. Я никогда бы не стал террористом, если бы в России мог жить тот, кто не желает делать карьеру, а стремится облегчить участь мужиков и работников...

Слова Суханова произвели на Шмидта неизгладимое впечатление.

Суд поставил в вину отважному флотскому офицеру восемь покушений на жизнь Александра II. Александр III повелел его казнить «в поучение всему Балтийскому флоту...».

...Согнувшись, сидел Шмидт на берегу Невы, не замечая собственных слез. Предсмертные короткие слова лейтенанта: «Я поставил любовь к родине и свободу народа выше всего остального!» — Петр Шмидт поклялся помнить, пока жив.

Глава IV

1

Год 1882-й стал важным в жизни молодого Шмидта.

После казней народовольцев, которые не прекращались с весны 1881 года, в стране, как отмечал В. И. Ленин, наступила пора «такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели...» [1].

Чем больше Шмидт думал обо всем происшедшем, тем больше его симпатии завое-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.

вывали те, кто выступил против самодержавия. И это все чаще составляло предмет мучительных сомнений. Ведь он сейчас учится, чтобы потом верой и правдой служить именно тому, против которого восстали так понравившиеся ему люди.

Между тем училище готовилось к торжественному акту. Воспитанники должны были присягнуть на верность царю, человеку, который, по характеристике С. Ю. Витте, был «ниже среднего ума, ниже средних способностей, ниже среднего образования»,— Александру III.

— Мы, Александр Третий,— хором со всеми заучивал Шмидт «визитную карточку» царя,— Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский... Царь Казанский, Царь Астраханский... Государь Псковский...

— Уф! — вздыхал Шмидт.—Зачем столько титулов? Язык можно сломать. А кто же все-таки заменит «папашу» Епанчина?

Контр-адмирал Епанчин был смещен с должности начальника училища сразу же, когда обнаружилось, что в числе народовольцев оказались и выпускники Морского училища. По Морскому ведомству был издан суровый приказ, строго запрещавший воспитанникам высказывать вслух «превратные толкования». И этот приказ стал претворять в жизнь новый начальник училища — контр-адмирал свиты его величества Дмитрий Сергеевич Арсеньев.

— Арсеньев,— сообщил Шмидту дядя,— сделал карьеру при дворе. Его называют

«придворным флотоводцем». В последнее время он прославился тем, что учил великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича... бальным танцам.

С приходом Арсеньева в училище стали вводиться новые порядки. «Принцип Крузенштерна», названный так по имени того, кто его ввел: «Как можно меньше учить и как можно больше давать возможность учиться самим»,—был отменен. А ведь именно руководствуясь этим принципом, Шмидт под началом опытных педагогов легко и с радостью осваивал морские дисциплины, а главное — занимался самообразованием в превосходной училищной библиотеке. Там он часами с упоением читал книги Некрасова, Белинского, Успенского, статьи Добролюбова, Писарева, Герцена... И вот труды этих авторов были названы «ересью» и спрятаны под замок. Либерально и демократически мыслящие преподаватели уволены с кафедр. Особую любовь Арсеньев выказал к нелюбимому всеми предмету — «Закону божьему».

«Закон божий» читал протоиерей Белявский. Богохульник и выпивоха, он внешне напоминал высокую мачту, на которую надели сутану, отчего и получил едкие прозвища Брам-стеньга и Коза в сарафане.

— Где юность моего лица? — таким вопросом из псалма царя Давида он каждый день начинал урок, чем смертельно надоел Шмидту и его приятелям. Сговорившись, они хором ответили ему однажды:

— Поросла козлиной бородой!

— Кто сказал?— заметался Брам-стеньга.
— Коза в сарафане! — бодро ответствовал хор.
— Ослы! Стадо баранов! — взвился протоиерей, размахивая руками.— Ужо доберусь я до вас, окаянные грешники! Опять читали «ереси»?
«Грешники» посмеивались, но держались начеку, так как знали одну его слабость. Накачавшись «смирновской», он обычно ночью приходил в дортуар, где искал в конторках «ереси» — запрещенные книги; спотыкался в темноте и бубнил вполголоса: «Яко тать в нощи, такожде пробирается среди овец своих заблудших пастырь...»
«Сам ты заблудший,— думал Шмидт.— Мы давно припрятали запрещенные книги. И опять ему нечем будет порадовать придворного шаркуна».

2

Императорский смотр всегда был событием в жизни училища.
Это Шмидт понимал. Все обставлялось так, чтобы воспитанники запомнили его надолго.
Как-то, когда все были заняты строительством восьмивесельной шлюпки, которое двигалось к завершению (шлюпка получалась прекрасной: стройная, изящная, легкая, она стояла в центре шлюпочной мастерской, радуя всех), Петр Шмидт спросил, ни к кому персонально не обращаясь:

— Интересно, что покажет государь: свою приязнь или неприязнь к военному флоту?

— А какое это имеет значение? Абсолютно никакого! — отозвался Николай Карказ.

— Нет, Карказ, ты не прав,— возразил Михаил Жемчужников.— Магистр задал не праздный вопрос. За императорским смотром действительно что-то стоит. И это «что-то», поверь, имеет большое значение. Одно дело, если государь жалует флот. И другое, если иной император, ну, скажем...— Жемчужников замялся, подыскивая нужный пример, и с надеждой посмотрел на преподавателя,— ни во что флот не ставит... Или я ошибаюсь, Александр Федорович?

Александр Федорович Можайский [1], преподаватель морской практики, выпускник Морского училища и любимец воспитанников, поддержал его:

— Не ошибаетесь, голубчик, нет. Разные императоры, конечно, по-разному относятся к флоту. Об этом я могу судить не по книгам, а по личному опыту. И смог бы даже,— он лукаво сощурил глаза,— ответить вам на вопрос господина... Как вы его величаете? Да, Магистра!.. Мог бы ответить на вопрос Магистра, если бы сейчас сюда пришел государь.

— Спросили бы его напрямую? — полюбопытствовал Шмидт, полируя весло.

---

[1] А. Ф. Можайский (1825—1890) — русский изобретатель «воздухоплавательного снаряда» (самолета).

— Конечно, нет, голубчик,— ответил Шмидту Можайский.— Я все пойму без лишних слов. Пойму по выражению глаз. Потому, иапример, как государь посмотрел бы на вашу работу. Как ои посмотрел бы иа это вот чудо.— И широкая, шершавая, мозолистая ладонь преподавателя с иежиостью опустилась иа планширь восьмивесельной шлюпки.

Все улыбиулись, зримо представив иарисоваиную картину. И... изумились, когда воображаемая картииа обратилась в явь: в дверях шлюпочной мастерской выросла тучная фигура Александра III.

— Сми-и-рно! — заполошенно крикиул Карказ, дежурный по классу.— Ваше импер... ское... личество, пятая рота, д...звольте д...лжить, заиимается...

Государь лениво махнул рукой, отчужденым взглядом скользнул по стенам мастерской, по лицам застывших воспитаииков и удивлеино приподиял левую бровь:

— Лодочка?

— Шлюпка,— поправил Можайский.

— Аглицкая или иемецкая?

— Русская, ваше величество,— с достоинством ответил Можайский.— Строилась здесь. По иашим чертежам. Своими руками. Вот эти умельцы — они перед вами.

— Ишь ты, умельцы, — усмехиулся царь.— Этим ли иадо гордиться дворянам?

Едва за царем н свитой закрылась дверь, Шмидт обратился к Можайскому:

— Алексаидр Федорович, какой из всего следует вывод?

Мудрый Можайский ие скрыл озабочениости:

— Пока только одни: царю иаша шлюпка весьма приглянулась.

Он ие ошнбся. Пройдет некоторое время, и шлюпка из училища... исчезиет. А в диевнике пятнадцатилетнего цесаревнча Николая появнтся примечательиая запись: «...Мнша и я получили чудиые подарки: из Морского училища привезли восьмерку, сделаиную самими воспитаиииками...»

Воспитаиников в конце царского смотра постронли иа плацу. Алексаидр III был краток:

— Мие иужны офицеры, готовые умереть за монархию! Я вас не пугаю, но хочу, чтобы вы все извлекли для себя урок из дела лейтеианта Сухаиова. Таким, как он, пощады не будет!

3

Шмидт играл на скрипке. Играл радостио и вдохиовеиио. Краем глаза видел: публика с вниманнем слушает выступлеиие оркестра Морского училнща.

Шмндта пригласнли в оркестр еще в прошлом году, когда узиали, что ои в детстве учился нграть иа скрипке. Теперь по субботам и воскресеиьям ои вместе с оркестром ездил в Летний сад — выступать. Вход в сад был бесплатным, н публики всегда собиралось много. Слева от оркестра скамьи заннмали студенты н курсистки Смольиого, воспитаниики Павловского, Коистаитииовского

и других военных училищ. В антрактах к ним присоединялись оркестранты, беседовали, спорили. Вспоминали речи народовольцев во время суда. Обсуждали «Отечественные записки» Салтыкова-Щедрина и демократического направления журнал Шелгунова «Дело». Толковали о последних статьях Михайловского, Успенского, Лаврова...

Здесь Шмидт познакомился с юнкерами Михаилом Мацером и Иваном Акцентовичем, со студентами Брагинским и Редько, с Сергеем Никоновым, сыном адмирала, слушателем университета. Все юноши были старше Петра на несколько лет. Он слушал их разговоры с большим вниманием, ловил каждое слово.

— С твоими аргументами мне трудно согласиться,— возражал Брагинскому Никонов, продолжая, как догадался Шмидт, давний спор: — Помнишь, что говорил Джон Стюарт Милль?

«Милль,— мысленно повторил Шмидт.— Есть ли он в нашей библиотеке?»

— Милль,— продолжал Никонов,— утверждал, что гражданин, убивший человека, который поставил себя выше закона, выше права,— такой гражданин совершил акт величайшей добродетели. Подчеркиваю: добродетели! Почему же ты берешь под сомнение целесообразность методов народовольцев? Впрочем,— добавил он,— я не ручаюсь, что привел высказывание Милля слово в слово, но смысл, думаю, точен.

— Нет, Сергей,— не согласился в свою очередь Брагинский.— Сказал ты, действи-

тельно, слово в слово, но смысл, извини, у Милля все же иной.

Шмидт удивился:

— Почему иной, если слово в слово?

— А потому, что интонация у него, как я помню, вопросительная. Это раз. И еще он при этом прибавил: «Сие есть серьезнейший вопрос морали». Не меняется ли от этого смысл?

— Ты прав,— сказал Шмидт.— Но если вспомнить планы лейтенанта Суханова...

— Суханов? — повернулся к спорящим Мацер.— Суханов, между прочим, однажды сказал, что каракозовский выстрел в царя рикошетом попал в полковника Лаврова. А дерзкие идеи Лаврова, я считаю, рикошетом угодили в лейтенанта Суханова, подтолкнули поднять руку на императора. Какая из этого следует мораль? — посмотрел он на Шмидта.

— Мораль простая,— ответил Шмидт.— Мысли и дела Суханова теперь рикошетом попали в нас. Впрочем, я говорю прежде всего о себе.

— Все правильно,— приободрил его Никонов.— Мне рассказывал отец, что Суханов перед казнью бросил в лицо палачам: «Я не один — среди моряков существуют мои друзья, которые сейчас на воле». Он, конечно, знал, о ком говорил. Но эти слова относятся и к нам — молодым.

— А что, Лавров разве был офицером? — спросил Шмидт.

— Он преподавал математику в артиллерийском училище.

— А я считал его философом,—искренне удивился Шмидт.

— Философией он увлекся потом. И стал — представляешь? — читать лекции не только об интегралах, не только о биноме Ньютона, но и о концепциях Прудона, Спенсера. Да еще как читал: смело! С вызовом властям! И власти, конечно, арестовали его. Лишили погон, кафедры—сослали в Сибирь. Но Герман Лопатин буквально из-под носа жандармов извлек Лаврова из ссылки... У тебя есть закурить?

— Нет,— впервые огорчился Шмидт, что еще не курит.— Что же было дальше?

— Лавров эмигрировал. Стал, как сейчас говорят, теоретиком революционного народничества... Написал свои «Исторические письма». Они были опубликованы в журнале «Неделя» в 1869 году под псевдонимом Миртов. Неужели не читал?

— Нет,— ответил Шмидт,— еще не читал. Но уверен,— он с надеждой посмотрел на новых приятелей,— поможете мне просветиться.

Ему дали почитать «Исторические письма» Миртова. Предупредили: «Только на несколько дней. Это у нас единственный экземпляр. Будь осторожен!»

Письма Лаврова-Миртова увлекли Шмидта. Он даже начал делать выписки: «...человек, начинающий борьбу против общественных форм, должен только высказать свою мысль так, чтобы ее узнали: если она верна, то он не будет одинок... Нужно не только слово, нужно дело... Нужны энерги-

ческие, фанатнческне людн, рискующне всем и готовые пожертвовать всем...» Он сделал одну выпиеку, другую. А кннжка все больше н больше захватывала его. Вот бы нметь ее всегда под рукой!

И тогда он вспомннл о Леслн, о Толстом, о другнх верных товарнщах, которые часто поговарнвалн, что неплохо бы иметь гектограф, на котором можно было бы быстро распечатать любой текст.

«Настало время действовать!» — решил Шмндт.

4

Из записок П. П. Шмидта[1]

Пятнадцати лет я совладелец гектографа, на котором мы с товарищами стремимся переиздать «Исторические письма» Миртова...

Из протокола жандармов, завладевших тетрадью-дневником П. П. Шмидта

...В этой тетради лейтенант Шмидт развивает ту мысль, что он сделался таковым, как он есть, вследствие «правительственного режима с 80-х годов», который заставил его обратиться к антиправительственной деятельности и к социализму. 15-ти лет он, лейтенант Шмидт, переписывал печатными

[1] Здесь и дальше идет речь о записках П. П. Шмидта, написаиных во время иахождения под арестом на броненосце «Три святителя» — в октябре — ноябре 1905 года.

буквами «Исторические письма» Миртова и был совладельцем подпольной типографии.

1882 год, таким образом, стал годом начала нелегальной революционной деятельности молодого Шмидта. Он проявляет интерес к работам теоретиков народничества и утопического социализма, делает первые попытки в пропаганде их идей.

20 октября этого же года Шмидт узнает о женитьбе отца на О. Н. Бутеноп, дочери известного промышленника. «Отец,— заметит в этой связи А. П. Избаш,— был женат второй раз, и около него создавалась новая, враждебная брату семья».

Из воспоминаний А. П. Избаш

Петя был... в Морском училище, и я, живя в институте, могла видеться с ним только урывками. Но, встречаясь с ним на рождественских каникулах или летом, я не могла не замечать сложной душевной работы, которая в нем происходит. Он очень много читал, задумывался, и уже волновали его тогда социальные темы... Его тогда очень интересовали статьи Н. К. Михайловского.

Из писем П. П. Шмидта к З. И. Р.

Михайловский утвердил меня в способности к правильному пониманию группировки общественных сил, к решению социологических проблем. В нашей переписке он признал за мною и остроту анализа и широту обобщения...

Я никогда не видел его, а только находился с ним некоторое время в переписке по поводу «субъективного метода в социологии»...

Шмидт в отличие от Н. К. Михайловского, виднейшего теоретика либерального народничества, философа-позитивиста, одного из представителей субъективной школы в социологии, считал, что не «герои» и «выдающиеся личности» творят историю. Историю, считал Шмидт, творят народные массы: «Движение не создается отдельными центральными личностями. Личности создаются движением».

В 1883 году молодой Шмидт начинает уделять большое внимание изучению общественных дисциплин:

«С шестнадцати лет я сижу на общественных науках, хотя море брало так много времени и сил, что и здесь у меня есть большие пробелы».

Он знакомится с видным экономистом Н. А. Карышёвым, ведет с ним дискуссии по вопросам экономики.

Из воспоминаний А. П. Избаш

...Каникулы мы часто проводили у тетки, сестры матери — А. Я. Эггер. У нее в доме, своим человеком, очень часто бывал молодой, но известный уже экономист, профессор Н. А. Карышев, приезжавший из Лесного. Он прекрасно пел, был очень жизнерадостен и остроумен. Мы, вся молодежь, с восторгом слушали его пение и смеялись его шуткам, но не раз, где-нибудь в стороне от

нас всех, я заставала его в серьезной и горячей беседе с Петей. Это повторялось все чаще и чаще...

5

— Не понимаю вас, Николай Александрович,— говорил Шмидт.— Почему это вдруг село должно отвергнуть капиталистические порядки?

— Община, мой юный друг, община,— покровительственно втолковывал профессор.— Она ни за что не пойдет на сватовство с капиталом. Никогда! Это дважды два. Неужели не ясно? Впрочем,— он снисходительно улыбнулся,— ведь вы моряк. И, естественно, не изучали образ жизни русской деревни. Так?

— Не изучал,— согласился Шмидт.— Но все же сужу по личным наблюдениям.

— Интересно. Слушаю вас.

— Мой отец недавно женился на дочери Николая Николаевича Бутенопа. Слышали, наверное, имя?

— А как же-с! Весьма энергичный человек, миллионер. Не дурное, право, родство.

— Я так не считаю. Но не об этом речь. Давайте-ка вспомним: с чего начинал сей энергичный, как вы заметили, капиталист?

— С чего?

— С пустяков! С ремонта часов-ходиков да садовых мотыг. А что производит сейчас? Сотни машин для села: сеялки, жнейки, молотилки... Разве эти машины, которых, к слову, с каждым годом становится все боль-

ше, не меняют лицо деревни? Разве они — именно они! — не разрушают общинные отношения на селе?

— Нет, не разрушают! — последовал категорический ответ профессора.— Наоборот! Они, эти машины, только укрепляют общину.

— И так считают все экономисты?

— Не все, признаться. Некоторые, и прежде всего господин Маркс, придерживаются другого мнения.

— Какого? — заинтересованно спросил Шмидт.

— Ну, батенька. Тут двумя словами не объяснишь... Вы хотя бы листали «Капитал»?

— Нет,— ответил Шмидт и добавил: — Еще нет.

Из записок П. П. Шмидта

Карышев направил меня на изучение политической экономии. И знакомство мое под его руководством с литературой этой науки окончательно утвердило те знания, на которых покоятся мои политические убеждения. Эти знания утвердили меня в полной и стройной научности социализма, как неизбежной формы государственности...

Глава V

1

Первая морская практика — первое свидание юношей с морем. Она произошла после двух лет учебы. Этого момента ждали и не-

много опасалнсь: как-то оно встретит их, море?

Перед отправлением в Кронштадт, где начинались практические занятия, училище преображалось. Начальник училища, инспектор классов, ротные и младшие отделенные начальники одевали походную флотскую форму. Педагоги опечатывали классы, лаборатории, сворачивали навигационные карты в огромные рулоны, складывали в ящики, парусиновые мешки необходимые инструменты, секстанты и хронометры, бинокли и подзорные трубы, своды сигналов и лоции.

Готовились и воспитанники. Они сдавали в библиотеку учебники, получалн у кастелян и каптенармусов летнее обмундирование: новую парусиновую робу, гюйсы, тельники, столовые приборы; у боцманматов — пробковые матрацы, спасательные жилеты, зюйдвестки.

В назначенный день практиканты были выстроены у памятника Крузенштерну. На училищных мачтах взвились флаги расцвечивання. Оркестр заиграл бодрый марш. Под его звуки строй взошел на небольшой пароход «Ижора», который должен был доставнть нх в город-крепость Кронштадт.

Звучит команда:

— Отдать кормовой!

И над толпой мам и пап, тетушек и бабушек взлетают кружевные платочки.

Прощай, училище! Прощай, Петербург! Здравствуй, долгожданный Кронштадт!

Накануне Шмидт был у дяди. Владимир Петрович вызвал его, чтобы напутствовать перед первой морской практикой. Шмидт приехал и был несказанно удивлен и обрадован, встретив там Макарова. С того первого рассказа отца об этом талантливом морском офицере Шмидт не переставал им интересоваться. И, чем больше узнавал о нем, тем сильнее и искреннее им восхищался.

Кадетом Макаров плавал к берегам Америки, где русские корабли, как писали газеты, демонстрировали «готовность России поддержать демократические Соединенные Штаты Севера в их борьбе с рабовладельческими Южными Штатами». Он был в числе отважных моряков, которые во время жестокого пожара в Сан-Франциско «самоотверженно спасали жителей, их имущество и своим усердием и ловкостью приводили американцев в восторг». Гардемарином С. Макаров опубликовал интересную работу по определению девиации в море. Став офицером, изобрел пластырь для заделки пробоин судов. Газеты взахлеб рассказывали о смелых минных атаках, о торпедировании турецких броненосцев вооруженным пароходом «Великий князь Константин», где командиром был лейтенант С. О. Макаров.

Дядя Владимир Петрович Шмидт всячески поощрял интерес племянника.

— Правильно делаешь!— говорил он.— Макаров — один из самых доблестных и грамотных офицеров нашего флота. И я,

признаюсь, очень рад, что мы с ним в один и тот же день — 21 февраля — были повышены в должностях и он назначен начальником штаба в мою эскадру. Доволен, впрочем, не только я, как командующий эскадрой. Рады приходу Макарова все офицеры и матросы нашей Практической шхерной эскадры Балтийского флота. Да и ты, убежден, не устоишь перед обаянием личности Степана Осиповича Макарова.

И вот теперь юный Шмидт имел счастье лично с ним познакомиться.

Владимир Петрович обратился к желанному гостю:

— Степан Осипович, позвольте представить вам племянника.

Шмидт вытянулся по стойке «смирно»:

— Воспитанник Морского училища...

— Наверное, Петр Петрович?

— Так точно.

— Рад познакомиться с юным продолжателем славных традиций рода Шмидтов, — протянул руку Макаров. — Любите море?

— Очень! — выпалил Шмидт и добавил: — Счел бы за высокую честь когда-нибудь служить, плавать под вашим флагом.

— Все может статься, — улыбнулся Макаров. — У всех у нас единый флаг — андреевский. И дом единый — море...

Пока Шмидт вспоминал подробности так взволновавшей его встречи с Макаровым, по правому борту «Ижоры» загорелся на солнце золотой купол Кронштадтского собора, и в синей дымке все отчетливее стали

проступать боевые форты этой одной из славных морских крепостей России.

Из Кронштадтской гавани уходили на бой военные корабли, чтобы, одержав блистательные победы, вернуться сюда под победный салют береговой артиллерии.

Отсюда корабли, ведомые отважными капитанами, отправлялись в кругосветные плаванья, а по возвращении на всех атласах мира рисовались новые, открытые ими земли, а порой и целые континенты.

В самом слове «Кронштадт» слышалось что-то прочное, несокрушимое. Эта морская крепость была гордостью флота. И вот теперь к ее славе приобщались и они.

Четко чеканя шаг, воспитанники шагали по брусчатой мостовой города-крепости, с восхищением засматриваясь на парусные корабли, готовые принять их на борт, на древние трехъярусные форты, на загорелых матросов, пушкарей и плотников.

— Сей остров,— объяснял их ротный начальник лейтенант Верховский,— издревле принадлежал России. Он входил в состав Вотской пятины Великого Новгорода и лежал на «Великом пути из варяг в греки». Но с 1617 до 1703 года на нем хозяйничали шведы. Расскажу легенду о том, как остров получил свое название. Когда в 1703 году Петр Первый высадился сюда вместе с десантом, шведов тут уже не осталось. Они поспешно покинули его, лишь дымился котел с пищей на потухающем костре. Увидев это, царь рассмеялся: «Быть посему, наречем отныне сей русский остров Котлин»...

А вот и сам великий Петр. Взво-о-д... стой! Напра... во!

Бронзовый двухметровый Петр в форме контр-адмирала, опершись на шпагу, под которой распластались поверженные вражеские знамена, смотрел вдаль. На гранитном постаменте Шмидт прочитал наказ: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

— К этим словам, господа воспитанники императорского флота, нечего добавить. Я убежден, вы будете хранить их в сердце так же свято, как и слова «отчий дом», «Морское училище», «Россия»!

По дороге к причалу, где стояли корабли отряда судов Морского училища под брейд-вымпелом капитана I ранга Брылкина, лейтенант Верховский сделал еще несколько остановок: перед памятником клиперу «Опричник», без вести пропавшему в океане,— на каменной точеной глыбе, опоясанной якорными цепями, укреплен флагшток с приспущенным флагом (через двадцать лет Шмидт, по-видимому, вспомнит этот памятник. «После казни,— напишет незадолго до расстрела,— прошу... чтобы на похоронах было все красное, ничего черного, не исключая обивки гроба. Если когда-нибудь в будущем город даст деньги на памятник, то положить скалу, вырезать на ней мою клятву. На скале бросить якорь (корабельный, настоящий), не сломанный, как это принято делать на памятниках, а целый якорь, и воткнуть в скалу флаг-

шток с красным флагом...»); потом воспитанники остановились около закругленной вверху пирамиды, и ротный рассказал им о мичмане А. А. Домашенко с парусного корабля «Азов», который отважно бросился в штормовое море спасать смытого за борт матроса:

— Сообщая об этом, Павел Степанович Нахимов писал в одном из писем: «...какой великолепный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота...»

— Ну и что же?— не выдержал Николай Шулепников, скромный и застенчивый юноша, медлительный и угловатый, назначенный в «шлюпочную артель» Петра Шмидта, дабы учиться у него ловкости, сноровке, шлюпочным премудростям.— Вошел?

— Да,— коротко ответил ротный.— Читайте!— приказал он Шулепникову и указал на пирамиду.

На одной стороне было написано: «Офицеры корабля «Азов» любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившего жизнью за столь человеколюбивый поступок». На другой: «В память человеколюбивого подвига А. Домашенко. 9 сентября 1827 года при берегах Сицилии».

— Готовность, как говорил адмирал Нахимов, жертвовать собой для пользы ближнего, человеколюбие,— одна из ярких черт русских воинов,— заключил ротный.— Но

этому ли нам, молодым, надо учиться у старших?

28 мая Петр Шмидт выходит в первое учебное плавание на корвете «Гиляк».

2

— Старший офицер корвета «Гиляк» лейтенант князь Ухтомский,— представился у трапа парусника интеллигентного вида морской офицер и вдруг крикнул матросу: — Митрохин! Куда же ты, в три господа рындабулину, весла кладешь, олух?

На старых парусных судах ругань старших офицеров, вахтенных начальников и боцманов была обычным делом. Даже училищные офицеры, такие учтивые и сдержанные в стенах училища, тут неузнаваемо преображались. Едва ступив на палубу парусника, они подкрепляли всякую команду каким-нибудь затейливым ругательством.

— Эй, Митрохин!— продолжал князь.— Тащи-ка сюда весла! Будешь господ воспитанников учить на веслах ходить.

— Есть, вашскобродь, учить на веслах ходить!

— Два-а-а... Рраз! Два-а-а...Ррвок!— монотонно гудит боцманмат Митрохин.— Навались!

«Какой же у него нудный голос,— думает Шмидт.— Выдержат ли ребята?»

Со Шмидта градом катит пот. Ломит поясницу. Вот и ноги стали дрожать. Сводит мышцы. На ладонях кровавые мозоли...

Но Митрохин невозмутим:

— Два-а-а... Рраз! Два-а-а... Ррвок! Два-а-а...

— Не могу больше!— хрипит осипшим голосом Ставраки, сидящий сзади, сползая на дно шлюпки.

— Весла по борту!— улыбается Митрохин, с отеческой лаской поглядывая на смертельно уставших юношей.

— Прошу запомнить, господа воспитанники,— говорит он,— тут нужен только коллективный рывок. Без него это не шлюпка, а калоша. И вы, следовательно, будете не моряками, а, звиняйте, мокрыми курицами. Хоть зубами тяните весло, но от товарищей не отставайте. Иначе...

И он поведал байку о шести лягушках. Их бросили в кувшин с молоком. Одна испугалась и вскоре, как выразился боцманмат, «откинула мослы», но другие дружно молотили лапками: сбили сметану, а потом масло и выбрались из кувшина.

— Ясно? — спросил Митрохин. И хотя не все еще отдышались от столь крутого начала учебы, снова загремело:

— Весла-а-а... на воду! Два-а-а... Рраз! Два-а-а... Ррвок!

Такой была первая встреча Шмидта с Балтийским морем. Волдыри на руках еще долго напоминали, что морская служба не столько романтика, сколько тяжелый труд. А в памяти отложилась побасенка о шести лягушках. Вскоре стало ясно, что Митрохин совсем не такой уж «зануда», как окрестил его Ставраки, а человек добрый, даже мягкий.

После шлюпочных учений воспитанники на целый месяц вышли в открытое море, и тут Балтика предстала для них во всей своей красоте. Солнце светило весело и ярко. Редкие облака отражались в зеркальной глади синих вод. Ровный восточный ветер послушно впрягся в паруса, и корвет, не спеша, шел по мелкой волне.

В свободные от вахт часы Шмидт рисовал берега, маяки и створные знаки. Это занятие было ему по душе. Он с детства любил рисовать. И теперь совмещал удовольствие с делом.

В конце июня «Гиляк» вернулся в Кронштадт, и воспитанники с удивлением увидели, что на рейде выстроились почти все корабли Морского училища и эскадры: «Аскольд», «Варяг», «Баян», «Боярин», «Африка», «Вестник»... Вскоре все выяснилось. Ожидался высочайший смотр.

Всех молодых практикантов перевели на корвет «Варяг». Сюда для смотра должны были прибыть царь с августейшим семейством и их многочисленная свита.

Александр III обошел строй, скользя по лицам равнодушным взглядом. Иначе смотрела императрица Мария Федоровна. Ревнивым материнским глазом она сравнивала загорелых, мускулистых парней, среди которых находился и Шмидт, со своим тщедушным сыном. В те дни будущий царь Николай II пометил в своем дневнике: «Нас взвешивали. Во мне: 2 пуда 13 фунтов. Росту — 2 аршина и $1^1/_2$ вершка».

Кто бы мог подумать тогда, что через

два десятка лет и царица и сын ее совсем иначе посмотрят на Шмидта. «Его, конечно, придется расстрелять!» — напишет о Шмидте Николай II в письме к матери. А она проявит в ответном письме большое беспокойство: «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо».

Все это будет потом.

Император остался доволен выправкой воспитанников. Поблагодарив за верную службу, он направился к катеру. Подняв императорский штандарт, катер отошел от борта корвета.

— Слава те господи,— перекрестился командир отряда судов Морского училища капитан I ранга Брылкин.— Все позади.— И повернулся к артиллерийскому офицеру Опаровскому:

— Изготовились к салюту?

— Так точно! — козырнул Опаровский.

Шмидт видел: катер с августейшим семейством уже лег курсом на Трапезунд.

Брылкин жестом подал команду.

— Первая!— крикнул Опаровский.

Но выстрела холостым зарядом не последовало. Осечка.

— Вторая!— побледнел Опаровский.

«Ну, Митрохин!» — мысленно подбодрил Шмидт матроса, зная, что именно он стоит у второго корабельного орудия.

Грохнул выстрел, и... по рейду, в сторону императорского катера, рикошетируя по воде, понесся боевой снаряд!

«Бедный Митрохин!» — подумал Шмидт.

Снаряд прошел далеко в стороне, тем не менее наказання последовалн незамедлнтельно.

Опаровскнй жестоко нзбнл Мнтрохнна. Опаровского Брылкнн посаднл под арест в каюту с «прнставленнем часового». А сам уже мысленно попрощался с ожндаемым повышеннем в чине...

Шмндт больше всех жалел несчастного Мнтрохнна. Он не мог забыть лнцо нзбнтого в кровь матроса.

Утром Шмндт заглянул в штурманскую рубку.

— У вас есть «Морскне сборники»? — спроснл он.

— Конечно! — ответнл штурман.

— Дайте мне на время первый номер за 1859 год.

В журнале он быстро нашел то, что хотел найтн. Заложнл страннцу н подошел к часовому у каюты Опаровского:

— Передайте, голубчик, арестованному.

— Имею лн право? — сомневался часовой.

— Имеете,— убеждал Шмндт.— Вот, почнтайте самн, что я хочу ему показать.

Часовой чнтал по складам: «Матрос служнт не нам, а отечеству. Нравственное воспитанне его необходнмо не только в военном, но н в общечеловеческнх, общегражданскнх ннтересах...»

— Надо же? — одобрнтельно отозвался часовой, беря журнал.

23 августа закончнлось 87-дневное плаванне Шмндта на корвете «Гиляк».

Из аттестации на Шмидта
после плавания

Способности к морскому делу — очень способен.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Море — моя родная, моя любимая стихия; я дня не мог прожить без моря...

29 сентября Шмидт переводится из младшего приготовительного класса 5-й роты в первый специализированный класс 4-й роты.

Из воспоминаний В. Лесли

В 1883 году наш выпуск пополнили еще 30 человек, поступившие по конкурсному экзамену в 4-ю роту, т. е. в первый специализированный класс. Это были великовозрастные юноши, окончившие какое-либо среднее учебное заведение. Из их-то числа и стали революционеры Шелгунов, Бобровский, Хлодовский, Черневский, Александр Доливо-Добровольский и Бегичев...

Глава VI

1

Шмидт и Николай Шелгунов получили увольнительные записки, спустились вниз, отдали честь знамени училища, собираясь выйти из его стен, когда их остановил Костя Толстой, стоявший в этот день на вахте.

— Петя,— выдохнул он,— мужайся. Тебя вызывает Арсеньев.

— Зачем? — удивился Шмидт.

Минут через десять он вышел из кабинета начальника училища, держа в руках записку: «Прошу отпустить сына моего, воспитанника 4-й роты, Петра Шмидта в отпуск ко мне в Бердянск на рождественские праздники, причем ему необходимо проводить из Петербурга в Бердянск сестру, дочь мою, Анну Шмидт. Капитан I ранга Шмидт».

— А ниже резолюция Арсеньева,— показал он записку Шелгунову.

— «Добро»,— прочитал Николай и огорчился.— Я, признаться, надеялся, что рождественские праздники мы проведем у нас. Ну, да ладно. Пошли?

— Пошли.

Шелгуновы жили в Царском Селе. Несмотря на такое, казалось бы, благополучное место, за квартирой редактора журнала «Дело» Н. В. Шелгунова велся негласный полицейский надзор.

Хозяина дома не было. Он приходил обычно поздно. Дожидаясь отца, Николай Шелгунов-младший предложил Шмидту посмотреть семейный альбом.

Шмидт раскрыл его и ахнул. В конце страницы стояло: «Н. Некрасов. Санкт-Петербург. 21 февраля 1858 года». Над подписью — стихи, написанные той же рукой.

Стихи, стихи! свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые

Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

— Твои родные, значит, встречались с Некрасовым? — спросил Шмидт.

Николай удивился:

— Да. Хочешь чай?

«Я не умею писать в альбомы,— читал дальше Шмидт.— Простите меня, вместо нескольких строк — легких и веселых — я вписал вам целую страницу, печальную и длинную, из моей тетради «Былое и думы». Страницу эту мне только что принесли из типографии. К тому же в ней говорится о Лондоне,— вспомните иной раз, что в этом тумане и поднесь бродит русский, душевно уважающий вас *Искандер*».

Глаза Шмидта заблестели:

— Неужели Герцен?

— Александр Иванович написал это 15 марта 1859 года. Отец с матерью были тогда в Лондоне.

— Они и Огарева видели?

— Естественно. Вот на этой странице четыре строки из его монологов. Так будешь пить чай или нет?

Шмидт стал читать вслух, чтобы справиться с охватившим его волнением:

Чего хочу?.. Чего? О, так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь...

Встал, прошелся, резко повернулся к Шелгунову:

— Что же ты раньше-то?

— То есть? — не понял Николай, а когда догадался, только улыбнулся:

— Здесь много интересных записей Лаврова, Гербеля, Плещеева, Курочкина...

Шмидт перевернул очередную страницу альбома:

«До свидания, моя добрая, хорошая! Спасибо вам за вашу приветливость, которая так согревала меня среди того тупоумия и бездушия, которыми я была окружена. Где бы я ни была, что бы со мною ни случилось — одно воспоминание о вас будет мне говорить, *как* надо любить всех униженных и оскорбленных, голодных и холодных. На борьбу за них я отдаю всю свою жизнь, свободу, личные радости, но если, несмотря на это, я не сумею ничего для них сделать, не бросьте в меня слишком жестким словом: желания много, но, быть может, не хватит умения.

1873 года, января 18. Калуга.

А. Дементьева».

Шмидт вопросительно посмотрел на Шелгунова.

— Она — жена Петра Никитича Ткачева. Как и он, принимала участие в освободительном движении 60-х годов. За это и была сослана в Калугу. А там Александра Дмитриевна подружилась с нашей семьей, привязалась к маме, которой и посвятила эти строки. Чу... Кажется, отец пришел. Идем, я вас познакомлю.

Шмидт с сожалением расстался с альбомом.

— Еще начитаешься. Ты, надеюсь, у меня не последний раз?

В гостиной никого не оказалось. А у двери в кабинет Шмидт на мгновение замялся:

— Погоди секунду. Никогда за собой такого не замечал. Будто робею.

— Напрасно,— ободряюще улыбнулся Николай.— Отец очень прост и всегда рад встречам с молодыми людьми.

Они вошли.

— О, уважаемые стражи моря,—поднялся из-за стола старший Шелгунов.— Ну-с, давайте знакомиться.

Шмидт пожал протянутую руку.

— Младший гардемарин Петр Петров Шмидт,— представился он.— Я вас однажды видел. 1 марта 1881 года. Вы прогуливались по набережной Екатерининского канала с каким-то господином. А я шел с дядей контр-адмиралом Шмидтом.

— Припоминаю, — улыбнулся Шелгунов.— Разве тот день можно забыть? Я запомнил его в деталях. Со мной тогда был писатель Константин Михайлович Станюкович, прекрасный человек. К слову сказать, он сейчас стал писать отличные морские рассказы.

— Дети вы мои, дети,— сказал вдруг Николай Васильевич и посмотрел на Шмидта.— Это вам, как рассказывал Николай, затачивали ногти на камне?

Шмидт кивнул.

— Бунт ваш, Петр Петрович, вполне одобряю. И завидую тому, что вы можете отстаивать свои человеческие права и свое

достоинство. А во времена моей юности все было намного хуже.— Он вздохнул, уходя мыслями в далекое прошлое:

— Все общественные порядки и отношения в мое время регулировались шпицрутенами. Тогда даже детей секли, как солдат. У нас в корпусе был воспитанник, которого секли восемнадцать раз. Моему товарищу, мальчику двенадцати лет, дали двести пятьдесят ударов. Это была картина возмутительная не только из-за своей ненужной жестокости, но и потому, что порку обставляли атрибутами торжественного церемониала.

Шмидт слушал, наблюдая, как все чаще пульсирует жилка на седом виске Шелгунова.

— Нас выстроили в зале,— продолжал Шелгунов.— Солдаты принесли скамейку и огромный пук розог — длинных и тонких. Затем фронту скомандовали «смирно», и среди воцарившейся мертвой тишины в зал вошел директор со свитой. Мне даже как будто помнится, что свита была в парадных мундирах, точно пришли на праздник.

Шмидт слушал, а перед глазами вдруг возник образ контр-адмирала Арсеньева.

— Климш!— выкрикнул директор, и несчастный мальчик выступил из строя. Директор произнес назидательную речь, которая к нам относилась, пожалуй, больше, чем к Климшу (и секли его, как видно, только в назидание нам), и, заключив ее, приказал: «Ложитесь!»

Началась возмутительная сцена насилия над двенадцатилетним ребенком. Несмотря на строгость военной дисциплины, весь фронт повернул головы в сторону. Во все время наказания Климш не издал ни одного стона, но встал бледный как полотно. Через полгода его исключили, потому что он бросил учиться и не ставил начальство ни во что.

Шелгунов приложил пальцы к виску, успокаиваясь.

— Не утомил я вас?— устало улыбнулся он.— Нам, старикам, только дай внимательного слушателя — не остановимся.

— Отец, — сказал Николай, — Петр Шмидт до твоего прихода листал наш альбом. Его интересует все. Все! —подчеркнул он.— Белинский, Чернышевский, Герцен...

— Я видел Герцена,— сразу понял Шелгунов,— в апогее его популярности. «Колокол» расходился с возрастающим успехом, и каждый русский, приезжавший в Лондон, считал своим долгом нанести ему визит.

— Из Лондона,— продолжал он,— мы с женой вернулись в Париж. Вскоре приехал туда же и Герцен. Раз я прихожу к нему и застаю такую картину. В мягком, большом кресле сидит величавый старик (таких стариков я еще не видывал) с длинными, по плечи, и белыми как снег волосами. В лице и во всей фигуре почтенного старика, откинувшегося на спинку кресла, было что-то патриаршее, спокойное. В прямом, ясном взгляде чувствовалась душевная правота и та уверенность в себе, которая дается хоро-

шо прожитой жизнью и спокойной совестью. Перед стариком стоял Герцен, относившийся к нему с сыновней, предупредительной почтительностью и берегущей любовью.

— Кто же был этот старик? — не выдержал Шмидт.

— Декабрист князь Волконский. Возвращенный из Сибири Александром II, князь Волконский был лишен возможности жить в Петербурге, и он уехал в Париж.

— Николай Васильевич,— спросил Шмидт,— а с Чернышевским вы встречались?

— Я познакомился с ним в 1851 году на квартире у своего приятеля Пекарского. Чернышевский тогда на короткое время приехал в Петербург из Саратова. Это был очень скромный, даже застенчивый человек. Совсем не похожий на того трибуна и борца, каким он предстанет потом перед читающей публикой. Но внешность порой бывает очень обманчива. У него оказались твердая воля, закаленное сердце и светлая голова.

В 1855 году я присутствовал в зале, где обсуждалась диссертация Николая Гавриловича «Эстетические отношения искусства к действительности». Помню, тогдашний ректор университета Плетнев сказал в конце диспута Чернышевскому: «Я, кажется, вам читал совсем иную теорию искусства». Вы с его статьями знакомы? — обратился Шелгунов к Шмидту.

— Лишь с немногими,— ответил Шмидт и, как бы оправдываясь, прибавил: — В училищной библиотеке нет его произведений.

— Я вам помогу,— приободрил Шмидта Николай Васильевич.— Знакомство с мыслями этого замечательного человека на многое откроет вам глаза.

2

Из воспоминаний А. П. Избаш о жизни брата в начале 80-х годов

...Он познакомился и бывал у публициста Н. В. Шелгунова, сын которого был его товарищем по Морскому училищу. К этому времени, по-видимому, следует отнести первое сближение брата с революционными кругами молодежи.

Из воспоминаний сына П. П. Шмидта

Отец часто говорил мне о своих беседах с Шелгуновым.

Из записок П. П. Шмидта, написанных во время ареста в октябре 1905 года, когда он готовил свое выступление перед судьями

Я начну им рассказ о моих молодых годах. Я нарисовал бы им то влияние, которое имел на меня отец моего товарища, наш публицист Шелгунов...

Из прокламаций Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению»

Мы хотим, чтобы офицеры армии и гвардии поняли свое истинное назначение; что-

бы они поняли, что они не царское войско, исполняющее капризы императорской власти, а народная стража...

Из указателя имен
к 9-му тому Полного собрания
сочинений В. И. Ленина

Шелгунов Н. В. (1824— 1891)— русский общественный деятель, публицист и философ-материалист, последователь В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. С 60-х годов — видный деятель русского революционного движения. В 1861 году своей статьей в «Современнике» «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» сделал первую попытку популяризации в России книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Зимой 1861 в прокламациях «К молодому поколению» (написанной вместе с М. Л. Михайловым) и «К солдатам» выступил с резкой критикой крестьянской реформы и с призывом к крестьянской революции. В своих многочисленных статьях по вопросам истории, экономики, общественной жизни и др. считал, что только крестьянская революция может дать освобождение крестьянству, послужить началом социалистических преобразований, минуя капитализм. Но уже в 80-х годах, под влиянием марксизма, Шелгунов пришел к пониманию того, что переход к новому общественному строю связан с революционной борьбой пролетариата. За свою революционно-демократическую деятельность неоднократно подвергался арестам и высылке.

Пользовался большой популярностью среди рабочих и других революционных слоев народа. Похороны Шелгунова 15(28) апреля 1891 года вылились в антиправительственную демонстрацию.

Надпись на венке
от рабочих Петербурга
Н. В. Шелгунову

Указателю пути к свободе и братству.

Строка из письма В. И. Ленина
к А. И. Ульяновой-Елизаровой

Перечитываю с интересом Шелгунова...

Н. В. Шелгунов не мог не оказать на молодого Шмидта своего влияния. А о сыне, приятеле Шмидта, девятнадцатилетием Николае Шелгунове, и говорить не приходится.

Из книги академика А. Н. Крылова
«Воспоминания и очерки»

В 1883 г. в училище была образована революционная группа сыном Шелгунова.

Из воспоминаний сына П. П. Шмидта

Во время учебы в училище отец входил в состав морского революционного кружка.

3

В курилке, как всегда, шла предотбойная «травля». Очередную «байку» рассказывал гардемарин Крылов.

— Знаете ли вы, господа, как маячат на реке? — спросил он.

Никто, конечно, не зиал.

— Давай рассказывай,— сказали Крылову.

— Плыли мы прошлым летом с отцом по Суре в Алатырь на пароходе «Неожиданный»,— Крылов пустил колечко дыма.

— С неожиданностями, надеюсь? — улыбнулся Шмидт.

— Естествеино,— пустил второе колечко дыма Крылов.— Подходим к перекату. Пароход тыкается носом в отмель, и капитаи кричит подручным: «Ванька, Васька, скидай портки!»

— Зачем? — донесся сквозь смех голос Ставраки.

— «Скидай портки! Сигай в воду — маячь!» Ну, Ванька и Васька прыгают в воду — «маячат». «Сидор Митрофаныч,— кричит Васька капитаиу,— здеся по колеио». «Так,— отвечает тот.— Теперь иди к правому берегу». Через некоторое время доиосится: «Сидор Митрофаныч, а здеся до пол-ляжки!» — «Иди еще». Наконец раздается желанное: «Во! Тута по брюхо!»—«Стой там, подавай голос».

Все рассмеялись, а Крылов иевозмутимо продолжал:

— Точио так же «маячил» и Ванька. По их голосам «Неожиданный» и перебирался малым ходом, вернее сказать, перетирался через перекат.

— Ну, Крылов,— утирая от смеха слезы, проговорил Петр Шмидт,— ну, капитаи Сидор Митрофанович. Признайся, ведь все выдумал.

— Нет,— сказал Крылов.—Тут все дело в капитане. Раньше он был ямщиком на тракте, пролегающем по берегу Суры. А потом перешел служить на пароход, чтоб быть «к буфету ближе».

Дождавшись, когда смех поутихнет, Крылов завершил рассказ:

— И все же однажды «Неожиданного» не спасли ни Ванька, ни Васька. Это случилось во время разлива. Вода так быстро спала, что пароход просто не успел за ней. Так и остался на чьем-то огороде до будущей весны.

До самого отбоя воспитанники посмеивались, вспоминали рассказ старшего гардемарина.

— Такие вот рассказы,— как бы между прочим заметил Николай Шелгунов,— хорошо было бы печатать для всех. Представляете, какой интересный вышел бы журнал!

— Верно! — подхватил Александр Доливо-Добровольский, которого за неуемную фантазию и безудержное прожектерство называли Вольским или Пророком.— А что, если попробовать издавать собственный журнал! А?

— Глупости,— возразил Ставраки.— А цензура?

— Без нее,— сказал молчавший до этого Лесли.— Без цензуры.

— А если узнают? — спросил Гиляровский.

— Бог не выдаст — свинья не съест,— ответил Шелгунов.

— И в самом деле, господа,— загорелся

Черневский,— в идее такого журнала что-то есть.

Шмидт дождался, когда каждый высказал свое мнение, и серьезно предложил:

— А теперь давайте все спокойно обсудим...

4

Из воспоминаний В. Лесли

...Журнал почему-то решили назвать «Ундиной». Среди товарищей было несколько человек, пишущих недурные стихи. Из них выделялся Михаил Жемчужников, племянник поэта Алексея Толстого... Выпускали журнал еженедельно — по воскресеньям; размножали его на гектографе, который имелся на квартире одного из воспитанников. Конечно, журнал этот был нелегальным. Никогда еще в Морском училище такой журнал не издавался. Первый же номер его произвел огромный эффект. Его просили показать и в других ротах... Шмидт в журнале писал критические статьи о Михайловском, которым мы тогда увлекались...

— Магистр,— спросил как-то Шелгунов у Шмидта,— что бы ты еще предложил серьезного, кроме критики субъективного метода в идеях Михайловского?

Шмидт, подумав, ответил:

— Ну, например, фельетоны, на тех из нас, кто все еще считает, что русский матрос «есть просто механизм, артикулом предусмотренный». Можно также дать по зубам

любителям «зуботычин». И конечно же следует пропесочить наших доморощенных донжуанов.

Николай согласился со всеми этими предложениями:

— Может быть, стоит первым вытащить за ушко да на солнышко барона Ставраки? Он связался с некой Доминикой Павловой и так отзывается о ней, что захотелось в морду ему дать...

— Михаил к женщинам относится возмутительно. Давай вытащим,—поддержал Шмидт.

О Ставраки, который черной тенью будет следовать за Шмидтом всю жизнь, следует сказать подробнее. В попытках понять его душу бессильным оказался даже К. Г. Паустовский, большой знаток и тонкий психолог людских характеров. «Не знаю,— писал он,— кто из великих знатоков человеческих душ мог бы написать о черной душе Ставраки, мог бы проследить извилистый путь подлости в мозгу и сердце этого человека. Может быть, Бальзак? Или Достоевский?»

Внешний же портрет Ставраки дал в своих воспоминаниях Лесли: «Он был весьма великовозрастен, большого роста и несколько негритянского типа: курчавые, жесткие волосы, толстые губы, очень длинная талия, оканчивающаяся толстым задом, и не по росту короткие ноги; глуп был безмерно, но при этом воображал себя умником и считал себя красавцем».

В пятый номер «Удины» Ставраки предложил свои стихи, подписавшись под ними

«Барон». Тем самым он дал повод организаторам журнала высказать свое мнение о его амурных «подвигах». В подписи под легкомысленными стихами была допущена вроде бы описка. Вместо «Барон» значилось «Баран». Все, конечно, догадались, о ком речь. Догадался и самовлюбленный Ставраки. Выбрав удобный момент, когда никого из сокурсников поблизости не было, он юркнул в кабинет к ротному...

Журнал спасти не удалось. Он был обнаружен, изъят и уничтожен. А вся редколлегия, и в том числе Шмидт, оказалась в карцере.

Арсеньев, возмущенный и испуганный историей нелегального журнала, побоялся огласки. Он с удовольствием арестовал бы весь выпуск, но посадил на воду и хлеб (через день) только семь человек, ибо восемь, согласно уставу, квалифицировалось как бунт.

Но это и был на самом деле невидимый, бескровный, но не менее значимый бунт — бунт духа, совести, долга, гражданственности. Как и Суханов с друзьями когда-то, Шмидт со своими товарищами, находясь в карцере, мечтали не о личной карьере, а о работе с пользой для общества. Мы, вспомнит Шмидт эти дни через двадцать лет, «строили свою жизнь не на основе выгоды, а на полезности».

Отсидев в карцере положенный срок, Шмидт и его товарищи вышли на волю. Тщательно взвесив свои силы и возможности, они решили организовать кружок само-

образования. Руководителем выбрали Николая Шелгунова.

— Спасибо, друзья, за доверие,— сказал Шелгунов.— Мы избрали отиые, увереи, единствеино правильиый курс. Помиите Спенсера? Он говорил: «Человечество всего успешиее развивалось только путем самообразования». По этому путн мы и пойдем — под всеми парусамн. Так, Магистр?

Шмндт горячо поддержал Шелгуиова.

— Приведу в этой связн,— сказал ои,— мысль Чернышевского. «Еслн нашн дети хотят быть людьмн в самом деле образоваииыми,— пнсал Нмколай Гавриловнч,— оин должиы приобретать образование самостоятельнымн занятнямн». Даже,— улыбнулся Шмидт,— заиятнямн во время каникул.

Из воспоминаний А. П. Избаш

В этот приезд свой брат большую часть свободного времени посвящал самообразованию. Собрав все книги, оставшиеся от матери, женщины образованной, горячо преданной общественной работе, он окружил себя ее книгами и теми, которые привез из Петербурга, и занимался несколько часов ежедневно. Но эти занятия нисколько не накладывали на Петю отпечатка деланной серьезности, резонерства или сухости. Это был жизнерадостный, веселый и даже шаловливый юноша 16-ти лет.

Его шалости были своеобразны. Однажды, одевшись попроще, он полдия бродил по заводу сельскохозяйствениых машин, кото-

рый строил в Бердянске подданный Великобритании Джон-Эдуард Гриевз, а потом за столом отца-градоначальника вдруг сказал англичанину:

— Сэр Гриевз, в литейном цехе такой грохот, что можно оглохнуть.

— Что? — опешил хозяин завода.— Кто вам это сказал?

Шмидт помотал головой: мол, не слышу.

— Он шутит,— сказала мачеха.

Из воспоминаний А. П. Избаш

Из этой нашей поездки... одна, незначительная на первый взгляд, сцена запечатлелась в моей памяти. Поезд проходил мимо громадных заводов, неподалеку от Брянска. Мы с Петей стояли вечером у окна вагона, и нам видны были пылающие печи, от которых шло целое зарево ярко-красного пламени. Петя указал мне на них: «Посмотри, какой ад! А им-то каково, несчастным!» Я посмотрела на него и увидела на глазах его слезы. Он говорил с тоскою: «Когда, наконец, кончится их каторжная жизнь!» И помню, как с удивлением смотрели на него некоторые пассажиры...

Глава VII

1

И опять пришла весна — весна 1884 года. Шмидт ждал ее с особым нетерпением: она сулила ему новую встречу с морем. В этот

раз воспитаиники должны были на практике закрепить усвоеиые зиаиия о парусном деле.

Сама термннологня парусиого хозяйства звучала для Шмндта как музыка. От нее веяло запахамн моря, ои слышал свист ветра в снастях. В детстве он впервые познакомился с парусами на отцовской яхте. Мог быстро брать рнфы и ходнть протнв ветра. Умел плести добротные маты из пенькн и вязать сложные морские узлы. Все это и многое другое прнгодилось ему в очередном плавании на корвете «Боярин».

Особеино запомнился Шмидту однн августовскнй день, когда вместо убывшего в Петербург контр-адмирала В. П. Шмндта в командованне объедниенной эскадрой вступнл капитан I ранга С. О. Макаров.

— Ну, друзья,— радовался Шмидт,— под флагом Степана Осиповича Макарова нам не прндется скучать!

И действнтельно — не пришлось!

В 14 часов сигнал «Отдых» был спущеи. И затем один за другим, словно прнзывные команды к бою, сталн взвиваться на мачтах флагмана сигналы: «Поднять стеньги!», «Поднять марса-реи и поставить марселя!», «Поднять брам-стеньги н брам-реи!».

Шмндт бегал на мачты, не зная устали. Все хотелн увндеть сигиал «МОБ», что означало «Адмнрал изъявляет свое особое удовлетворенне». И корвет «Боярии», где был Шмидт, и корвет «Аскольд», где иаходился выпускной гардемарин Александр Крылов. «Мне, как топовому,— вспомнил

этот день академик А. Н. Крылов,— при всяком аврале приходилось бегать на марс два раза, ибо после окончания аврала следовала команда: «Топовые и иоковые к вантам — паруса поправлять». Только сбежишь вниз — новый аврал. Так продолжалось до 17 часов 35 минут. Пришлось мне бегать на марс 52 раза, и хотя мне был тогда 21 год, под конец учения я, можно сказать, «язык высунул». Узнали мы тогда Макарова!»

Узнал тогда, каков командир Макаров, и семнадцатилетний Петр Шмидт. В основе макаровского метода занятий лежал давний испытанный суворовский наказ: тяжело в учении — легко в бою.

2

В середине сентября — уже после окончания практики на «Боярине» — класс Шмидта перевели на корвет «Аскольд», куда прибыла из Петербурга экзаменационная комиссия, возглавляемая контр-адмиралом В. П. Шмидтом.

— Загорел, окреп, возмужал,— радовался дядюшка, сдержанно здороваясь с племянником.— Как успехи? Что читаешь? Чем увлекаешься?

— Социологией,— ответил племянник.— Почему нам ее не преподают?

Владимир Петрович с удивлением посмотрел на него:

— Поговорим после экзаменов.

— А нам можно на них присутствовать?

— Не можно, а нужно!

Петр Шмидт «болел» за Александра Крылова. Экзамен у него принимал начальник минного класса капитан I ранга Верховский, родственник ротного командира.

— Расскажите о парусном вооружении бугшприта[1] «Аскольд»,— приказал Верховский Крылову.

— Хотя бы о главных его узлах,— прибавил В. П. Шмидт, облегчая трудное задание.

Крылов готовился недолго. Молодой Шмидт с восхищением слушал его ответ. Он был четкий, подробный, исчерпывающий — словом, блестящий.

— Неверно! — сказал Верховский.

Шмидт вздрогнул. Но Крылов не смутился:

— Позвольте вам доложить, господин капитан I ранга, что эта проводка сделана не по штату, но вы изволили приказать описать снасти бугшприта именно на «Аскольде», а не ту, какая полагается по штату.

— Во, травит! — шепнул Ставраки.— Лукавит и глазом не моргнет! Проскочит ли?

— Пойдемте на бак[2],— предложил дотошный Верховский. Он жестом пригласил и всех остальных, дабы предметно поучить молодых, как будет поставлен на место зарапортовавшийся гардемарин.

---

[1] Бугшприт — горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусного судна и служащий для вынесения вперед носовых парусов с целью улучшения поворотливости судна.

[2] Бак — носовая часть верхней палубы корабля.

Верховскнй самолнчно взобрался на бугшприт. Тщательио осмотрел его. И молча спустнлся иа палубу.

Шмидт, возмущаясь в душе, смотрел иа него: «Неужели стаиет Крылова стыдить прн всех?»

Верховский подошел к Крылову.

— Вы правы, здесь ие по штату,— улыбиулся он и крепко пожал руку гардемарииу.

— Ты сам все видел и слышал,— сказал после экзаменов дядя племяннику.— Комиссия постаиовила прнсудить Крылову высшее отличне — повысить его по списку иа пять человек, а он, оказывается, и без того первый в выпуске. Тогда Верховский предложил Крылову поступить в его миииый класс — без экзамеиа. Вот, мой юиый друг, как надо изучать морское дело! А эта... Как ее? Соци...

— Социология.

— Вот! Нужиа ли оиа морякам?

— Нужиа,— твердо ответил Шмидт.— Очеиь иужиа!

На изучеиие социологии, политэкоиомии, философии Петра Шмидта подтолкиул Н. В. Шелгуиов, который писал: «Жизнь есть счастье только тогда, когда человек может вполие и свободио пользоваться свонмн силами в расшнряющемся иаправлеиии, и самая полиая и всестороиияя жизнь есть самая счастливая жизнь. А всестороиняя жизнь — только обществеииая».

Под благотвориым влияиием Шелгуиова-старшего гардемарии Шмидт (это звааие ему присвоят 14 декабря 1885 года) все свои

размышления о смысле и цели жизни станет теперь связывать с благородными идеями «прогресса истории человеческого счастья».

3

Из письма гардемарина
П. П. Шмидта к Е. А. Тилло

...Раньше всякого серьезного чтения нужно познакомить себя с прогрессивным ходом истории человеческого счастья. Как ни бледна эта история, как ни медленно двигаются люди по пути к лучшей и разумной жизни, но достаточно своим собственным умом убедиться в существовании прогресса, чтобы встать на твердую почву — почву веры, основанной на знании.

А тогда уж руки не опустятся, дорогая Евгения Александровна! Тогда человек до болезненности захочет жить, какова бы его личная жизнь ни была, потому что он будет знать, что не жить — это значит закрывать глаза, чтобы не видеть умирающего нищего, а жить в свое удовольствие — это снять последнюю рубаху с того же нищего. Значит, руки у порядочного человека попросят работы, чтобы хоть кроху бросить в кружку нищего, а не пройти мимо него.

Человек, полностью отдавший жизнь на достижение честной цели, не может быть несчастным. Ведь он знает, что цель его разумна и достижима. И как бы мало он ни сделал, все, что он уже сделал, было направлено к этой высокой цели. Следовательно, самим своим существованием он прибли-

зил людей к лучшей жизни. В сознании этого и заключается высшее счастье.

Итак, раньше всего нужно уверить себя в том, что человечество, хоть и с большой потерей крови и трудов, все же неустанно шло к своему счастью. Нужно, далее, узнать, какими путями оно шло, какими средствами желало достичь его, почему шло так медленно и есть ли, наконец, вероятие, что оно пойдет скорее. Словом, нужно знать, что такое история. И если вы придете к твердому убеждению, что история — это неустанная борьба, которая велась часто бессознательно, редко разумно, но все-таки дала относительно лучшую жизнь, если вы уверуете в это, то ваша личная жизнь получит совсем другую окраску: безотрадных минут станет меньше, и сами вы ободритесь. Вот мой дружеский совет.

Вы не улыбаетесь? Воображаю, как бы подтрунивала надо мной моя Ася, если бы узнала, что ее брат советует вам для устранения тяжелых минут в качестве вернейшего средства вот это — ближе познакомиться с «прогрессом человечества».

Ну, барыня вы моя милая, вот главное, что хотел сказать. ...Пишите мне все, что вам думается. Все, что требует разъяснений. Будем двигаться вместе. Вдвоем, может быть, дело пойдет веселее. Пишите же!.. Жму вашу руку. Преданный Шмидт.

Так он писал, хотя у самого тоже не всегда настроение было радужным. И портилось оно тогда, когда, казалось бы, следовало радоваться. Его отцу присвоили звание

контр-адмирала, а отношения сына с отцом после этого стали прохладнее. То же случилось и в отношении к дяде, когда ему присвоили звание вице-адмирала.

Из дневника П. П. Шмидта

...Никогда не было во мне такой гнетущей неудовлетворенности. Я только начинаю уяснять себе, что нужно для счастья, а уже вижу всю громаду преград для приближения к нему. Быть честным и полезным в тех рамках, в каких это понимается большинством, задача немалая, но все же слишком ничтожная. Нужно устроить свою жизнь правильно, освободясь от образцов прежней жизни. А как освободиться, когда все созданное веками давит на тебя?

Те же мысли, навеянные горячими дебатами в кружке Шелгунова, он развивает в очередном письме в Бердянск.

Из письма П. П. Шмидта
к Е. А. Тилло

...Посмотрите пристальнее вокруг себя. Всмотритесь в окружающих вас людей и в окружающую обстановку: вам станет совершенно очевидным все то, что делает жизнь наших отцов непривлекательной.

Везде вы увидите гадкую по своему ничтожеству мелочность, на которой основана вся их жизнь. Вас поразит это гадкое однообразие. Им надо было наполнить хоть чем-нибудь свое существование, и они, за неиме-

нием широких интересов, завалили свою жизнь мелочами.

Конечно, эти мелочи отчасти обязательны, но обязательны лишь как мелочи и не должны быть когда бы то ни было возводимы в культ. Разве вся эта жизненная дребедень может быть занятна для человека, который широко смотрит на счастье? Нет!

...Я не позволю себе идеализировать предстоящую нам жизнь. Но я с уверенностью говорю, что она предоставит нам возможность для разумной борьбы за достижение счастья. Конечно, слово «счастье» надо понимать в правильном, то есть в широком, смысле слова... Дурной человек удовлетворяет свои грубые, животные инстинкты и тем достигает своего «счастья». Хороший человек видит свое счастье в счастье других.

Из воспоминаний Е. А. Тилло

Петр Петрович открыл мне глаза на жизнь: ему я обязана большим подъемом духа и самыми высокими настроениями... Многие, кто ближе узнавал его, могли любить его не только как хорошего человека, а как любят мечту, все прекрасное и лучшее на свете, все, что придает цену жизни и составляет ее смысл.

Из воспоминаний В. П. Лесли

...В выпускной гардемаринской роте начинается увлечение чтением серьезных книг, доставаемых, конечно, на стороне. Петя увлекся «Историей цивилизации Англии» Бок-

ля и мог цитировать оттуда целые страницы. В это время у него пробуждаются мысли о тяжелом положении рабочего класса.

Из дневника П. П. Шмидта

...Отношения сложились так, что нужно пользоваться услугами закабаленного труда или самому закабалиться в тот же труд... Окружающая жизнь напоминает веревку, на одном конце которой пляшут сытые, а другой — петлею накинут на шеи голодных. И каждое веселое выплясывание душит людей на другом конце веревки. Что же делать? Нужно уничтожить, разорвать петлю!

Глава VIII

1

Свое искреннее желание разорвать «петлю» социального неравенства, свое личное понимание счастья гардемарин Шмидт все больше и больше связывает со своей работой в кружке Шелгунова.

Но прежде, чем говорить об этом периоде жизни молодого Шмидта, который, по моему мнению, меньше всего исследован в его биографии, я должен объяснить читателям, на чем основывается мое предположение о вхождении Шмидта в кружок Шелгунова.

Длительное время, признаюсь, препятствием к такому предположению являлась для меня фраза историка В. В. Максакова

из его предисловия к книге «Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года». Он писал, что имя П. П. Шмидта стало известно за пределами Севастополя в октябре 1905 года, и отмечал: «Прямых свидетельств о его связях с революционными организациями до событий в октябре 1905 г. в Севастополе мы не имеем».

«А может быть, они все-таки есть?» — все чаще задавался я этим вопросом по мере знакомства с биографией Шмидта. И стимулятором поисков в этом направлении мне служила вышеупомянутая книга, подготовленная к печати В. В. Максаковым. В ней, в частности, так комментировались слова лейтенанта Шмидта о создании им «Союзе офицеров — друзей народа»: «Среди материалов о революционном движении во флоте как в государственных архивах, так и в других хранилищах СССР сведений о «Союзе офицеров — друзей народа», организованном П. П. Шмидтом, пока обнаружить не удалось. Не обнаружено и воззвание, о котором говорит П. П. Шмидт».

А мне посчастливилось обнаружить и воззвание Шмидта, и прямые свидетельства о создании Шмидтом союзе, что и было впоследствии отмечено в написанной для Большой Советской Энциклопедии статье о Шмидте.

Однако поиск свидетельств о связях Шмидта с революционными организациями до Севастопольского восстания, о вхождении его в кружок Шелгунова был труднее предыдущего.

Прямых свидетельств в документах жандармского ведомства, в официальных показаниях следствию арестованных членов кружка Шелгунова имя Шмидта не встречалось. И тогда я стал анализировать частные заявления, воспоминания близких к кружку Шелгунова моряков — однокашников Шмидта, родных, близких знакомых Шмидта, наконец, его собственные признания. И вот что оказалось: высказывания Шмидта о своей юности (некоторые уже приведены, о других речь пойдет ниже) и поступки молодого Шмидта говорили о том, что в 80-е годы минувшего столетия он был связан с военно-революционной организацией, существовавшей в пору его учебы в Морском училище. Такой организацией мог быть только кружок Н. Н. Шелгунова.

«В обвинительном акте,— писал Шмидт в письме к З. И. Р. 31 января 1906 года,— мне ставится в обвинение вся моя преступная жизнь с 16-летнего возраста». В этом обвинительном акте (по делу Шмидта, Антоненко, Гладкова, Частника и других участников Севастопольского восстания) Петр Петрович Шмидт действительно обвинялся не только в том, что «вознамерился воспользоваться восставшими нижними чинами как вооруженной силой, чтобы при ее посредстве ниспровергнуть существующий в России государственный строй», но и в том, что принадлежал «с молодых лет к числу лиц, стремящихся к развитию революционного движения в России». Этими «лицами» могли быть только шелгуновцы.

А есть ли свидетельства сокурсников Шмидта? Есть. Владимир Петрович Лесли писал: «Кроме Шмидта, известного по своей трагической судьбе, мой выпуск дал еще несколько революционеров: Шелгунова, Хлодовского, Бобровского, Черневского и Александра Доливо-Добровольского», и зафиксированы слова, что арестованные офицеры «всячески старались выгородить и спасти» Шмидта, которого считали «выдающимся человеком и как бы предчувствовали его будущую историческую роль». Кроме того, о вхождении Шмидта в «военно-революционный кружок» есть свидетельство сына П. П. Шмидта.

Вот, исходя из всего вышесказанного, автор и взял на себя смелость предположить о вхождении Шмидта в кружок Шелгунова.

К 1885 году кружок самообразования Н. Н. Шелгунова постепенно перешел в новое качество — он стал кружком единомышленников, которые, изучая запрещенную литературу, внимательно вглядываясь в окружающую их жизнь, готовили себя к пропагандистской революционной деятельности. Их — Шелгунова, Шмидта, Хлодовского, Черневского, Доливо-Добровольского, Стронского и других — окрыляло то обстоятельство, что и в других военных училищах Петербурга образовывались подобные кружки.

Потом эти кружки начали сливаться в одну военно-революционную организацию,

которая уже не имела никакой связи с «Народной волей». «К моменту (1885—1886 гг.)...— вспоминал один из руководителей этой организации, М. Брагинский,— партия «Народной воли» после разгрома лопатинской и южной организаций была уже близка почти к полной ликвидации; организации же социал-демократические лишь зарождались и начинали свою жизнь. И вот, когда нам пришлось сделать выбор между этими двумя направлениями в русском революционном движении: народническим и социал-демократическим, в нашей среде нашлись сторонники и того, и другого течения. Начались споры, принимавшие порой довольно острый характер... Большинство нашей организации пошло за сторонниками сближения с социал-демократами, уже образовавшими к тому времени свою группу (группа Благоева) и выпустившими свой печатный орган — газету «Рабочий». Особенно горячими сторонниками сближения с социал-демократами был Шелгунов с его группой моряков».

Далее М. Брагинский писал: «Наша группа сторонников сближения с социал-демократической организацией, познакомившись с ее представителями, решила для осуществления своего плана войти в переговоры с ними для установления формального соглашения относительно возможных между нами взаимоотношений... Эти переговоры состоялись в одном из помещений Академии наук, кажется в квартире одного из служащих Академии. На переговоры с

социал-демократами от военной организации были делегированы Шелгунов и я».

В апреле на квартире Шелгунова царило радостное оживление.

Шелгунов посмотрел на друзей и начал с самого главного:

— Контакт с группой Димитра Благоева установлен!

И подробно рассказал о том, как это было.

Весной 1886 года, отмечала этот факт историк С. А. Овсянникова, группа Благоева установила связь с военным кружком Н. Н. Шелгунова, члены которого проявляли большой интерес к марксистской литературе. Благоевцы передали гардемаринам много интересных книг. В их числе были «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и книга К. Маркса «Речь о свободе торговли», работа Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и другие.

— Это еще не все,— сказал Шелгунов и развернул большой лист.— Вот газета. Называется «Рабочий»!

Газету с интересом рассматривали. Читали вслух. И чувствовали: с ней связано нечто очень важное.

Николай Шелгунов предложил:

— Пришла пора, друзья, принять программу нашего кружка, который давайте будем называть «военно-революционным кружком».

2

Проект программы обсуждали несколько раз — в апреле и мае. За основу ее взяли программу группы Благоева. Благоевская программа была короткой, но такой емкой и смелой, что у гардемаринов дух захватило:

«1. Передача земли, фабрик, заводов, средств производства, т. е. машин и пр., в руки рабочих обществ.

2. Превращение труда, земли, фабрик и заводов в общественную собственность.

3. Передача государственной власти в руки народа.

4. Полная свобода распространения знаний и преподавания, свобода печати, слова и совести.

5. Бесплатное и общедоступное образование.

6. Международный союз для поддержки солидарности между всеми народами».

— Не знаю, как у вас, друзья мои,— сказал Шелгунов,— а у меня такое ощущение, будто взобрался я на самую высокую мачту и увидел необозримые горизонты...

— Я чувствую то же самое,— отозвался Шмидт и продолжал: — В программе не отмечена роль армии и флота. Вот об этом-то нам и следует вместе подумать.

— Совершенно верно,— поддержал его Шелгунов и мечтательно добавил: — Представляете, нас могут вспомнить добрым словом те, кто придет следом за нами!

Шмидт положил руку на плечо товарища:

— Вспомнят — хорошо. Не вспомнят — не будем обижаться. Хотя,— он улыбнулся,— приятно думать, что могут вспомнить и наши мечты...

Их вспомнили. И — помнят.

Из учебника
«Курс лекций по истории КПСС» [1]

Наряду с пропагандистской деятельностью среди рабочих, благоевцы создали особую марксистскую группу среди военных, которую возглавил сын известного писателя-демократа Н. В. Шелгунова — моряк Н. Н. Шелгунов. Военная группа разработала свою программу. В программе отмечалось, что конечная цель группы — осуществление социализма, переход к которому возможен только в результате победы революции. Успех же революции зависит от участия в ней армии. Отсюда вытекает важность работы в военной среде и необходимость привлечения к группе военных. В то же время в программе указывалось, что победа революции не может быть достигнута одним только войском. Главную роль в ней должны сыграть классы, наиболее заинтересованные в создании нового общественного строя.

Из записок П. П. Шмидта

...Я с очень молодых лет был горячим сторонником социалистической формы общественности, но это были идеалы молодо-

---

[1] Курс лекций по истории КПСС. М., 1969, с. 64.

сти, они опирались только на требование правды и справедливости в людских отношениях.

То было в тяжелые 80-е годы репрессий и пыток, которые уносили жертву за жертвой. Много лучших русских людей было замучено тогда. Мученическая смерть их увеличивала число борцов за освобождение родины и озлобляла души оставшихся, вызывая террор. Во мне каждая мученическая смерть вызывала горе и стремление скорее набраться знаний, учиться, чтобы скорее стать в их ряды. Я чувствовал себя способным к этому и продолжал читать с лихорадочной поспешностью, переходя от одной области знания к другой.

Так на войне спешит вооружиться солдат, слыша выстрелы и сознавая, что бой начался и товарищи падают под сильными ударами противника.

Знания укладывались в какой-то пылающий костер истин, пламя которого металось, вспыхивало и потухало, но не светило ярким, ровным светом, чтобы указать мне путь правильной общественной работы, а душа требовала неотложного дела, а не только знаний.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Докладываю вам, сударыня, что я... с юных лет принадлежу к крайней левой нашего грядущего парламента, так как я социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма... Жил и живу интересами рабочего сословия.

3

7 октября 1886 года на торжественном построении в зале Морского училища по случаю присвоения офицерских званий император Александр III и цесаревич Николай вручили Петру Петровичу Шмидту погоны мичмана [1] и флотский кортик.

Спустя несколько дней, приехав в Бердянск, мичманский китель с новенькими погонами, которые ему лично вручил император, Шмидт повесил рядом с адмиральской тужуркой отца и надел рабочий комбинезон.

— Зачем? — не понял отец.— Показался бы гостям. Они скоро придут. И отметим твое производство в офицеры честь по чести.

— Без меня,—ответил сын, доставая брезентовые рукавицы.

— Ладно,— смирился отец.— На рыбалку, так на рыбалку. Может, вместе пойдем?

— Нет, отец, я иду в другое место.

— Далеко ли?

— На завод.

Из воспоминаний А. П. Избаш

Ярким воспоминанием осталось у меня, как Петя, в этот свой приезд в Бердянск мичманом, начал работать на заводе сельскохозяйственных орудий. Я всегда ждала его возвращение оттуда с нетерпением... С утомленным, но энергичным лицом, в закоптелой синей рабочей блузе, он рассказывал

---

[1] Мичман — первое офицерское флотское звание в дореволюционном русском флоте.

мне с восхищением о рабочих, ради близости и знакомства с которыми ходил на завод. Горячо и гневно, часто со слезами на глазах, он возмущался уродливыми условиями труда русских рабочих...

Из воспоминаний Е. А. Тилло

Шмидт посещал заводы и работал там, что давало ему возможность ближе знакомиться с бытом рабочих.

На заводе Шмидт работал в литейном цехе, на формовке. Рабочие недоумевали: «Что ему здесь надо? Морской офицер, а набивает формы, как простой чернорабочий!» Они с неприязнью относились к нему первое время. Но, когда Шмидт одернул хама мастера, а потом высказал претензии на плохие условия труда самому хозяину завода, рабочие прониклись к моряку симпатией.

Приободряя его, помогая ему, рабочие учили Шмидта нелегкому делу литейщика. Во время перекуров рассказывали о себе, о своей жизни, расспрашивали о Петербурге.

Шмидту было с ними хорошо. В свою очередь он говорил им о декабристах, народовольцах... Слушали его с вниманием. Но однажды спросили:

— Если что — рабочие не подведут. А вот на чьей стороне будет армия?

— Об армии сказать не могу,— ответил Шмидт.— А о себе скажу без колебаний — на вашей стороне. На нашей! — добавил он.

...Пройдут годы. Рабочие Севастополя на городском митинге назовут лейтенанта Шмидта своим пожизненным депутатом в созданный Совет, а потом он, выполняя волю рабочих, матросов и солдат, возглавит Севастопольское вооруженное восстание.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

...Знаете, кто я теперь такой? Я — пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. «Пожизненный» — этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю... Вот какую великую честь они сделали мне!

Я должен это ценить вдвойне, потому что́ может быть более чуждым, как офицер для рабочих. А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища и друга. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете.

Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих.

О, я сумею умереть за них! Сумею душу свою положить за них! И ни один из них ни-

когда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание...

Из письма П. П. Шмидта сестре

После казни прошу: настоять через печать и всеми средствами, чтобы тело мое было выдано для погребения севастопольскими рабочими, чтобы они были полными хозяевами и распорядителями при похоронах. Я их депутат, званием этим горжусь, и они одни дали мне больше счастья, чем вся моя жизнь со всеми людьми, с которыми я встречался...

Много узнавшим и много понявшим возвращался Шмидт в Петербург. На заводе Д. Гриевза, который через десять лет станет крупнейшим в Европе предприятием по производству жнеек и о котором будет писать В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», двадцатилетний Шмидт впервые на деле присягнул на верность рабочим, чьими интересами он будет жить всю свою дальнейшую жизнь. Он знал, что ближе познакомиться с рабочими должны и его товарищи, там, где они проводили свой первый офицерский отпуск: Шелгунов — в Петербурге, Хлодовский (выбранный недавно казначеем кружка) — в Харькове, Бегичев — в Брянске, Черневский — в Киеве...

С Киева и начнется самое серьезное испытание для членов кружка. Молодой Шмидт еще не знал, что царская охранка уже раскрыла эту организацию. Начались аресты...

СЕКРЕТНО

Главный военно-морской прокурор С.-Петербург августа 4 дня 1887 г. № 418	*Управляющему Морским министерством адмиралу* ШЕСТАКОВУ

ОТНОШЕНИЕ

Управляющий Министерством юстиции... препроводил к Вашему превосходительству произведенное в гражданском ведомстве дознание о «военно-революционных кружках» и всеподданнейшее прошение мичмана А. Доливо-Добровольского...

Первоначально к сему делу... были привлечены мичманы Николай Хлодовский, Александр Доливо-Добровольский, Лев Бобровский, Николай Черневский и воспитанники Морского училища гардемарины Николай Стронский и Евгений Дейновский...

Затем, по привлечении к этому делу находившегося в кругосветном плавании мичмана Николая Шелгунова, Государю Императору благоугодно было... положить следующую резолюцию: «Передать все это дело не в Министерство юстиции, а в военное и морское министерства, кроме лиц гражданских».

Из дела видно: в декабре 1886 года возникло при Киевском губернском жандармском управлении дознание по обвинению подпоручика 129-го пехотного Бессарабско-

го полка Михаила Мацера, подпоручика 7-го саперного батальона Ивана Акцентовича и других в государственных преступлениях.

Сознанием большинства привлеченных к сему делу обвиняемых и в связи с содержанием найденной при обыске у подпоручика Мацера и студента Гофмана программы революционного содержания (программа эта, состоящая из пяти пунктов, с объяснением против каждого из них, при сем прилагается) было установлено существование в Санкт-Петербурге тайного преступного сообщества, составившегося из воспитанников военного и морского училищ, а также лиц гражданского звания и направленного к распространению среди военнослужащих противоправительственных убеждений с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем существующего государственного строя в России.

Первые зачатки этого сообщества появились в конце 1884 года или в начале 1885 года в виде периодических собраний некоторых юнкеров военных училищ на частных квартирах для чтения общеобразовательных и по преимуществу социально-экономических сочинений... В конце 1885 года в кружки эти вошли бывшие воспитанники Морского училища, а ныне мичманы Шелгунов, Черневский, Хлодовский, Бобровский, а впоследствии и Доливо-Добровольский, составлявшие до этого времени, по-видимому, отдельный кружок, по своему направлению и цели сходный с военными кружками.

Одновременно с этим, под влиянием, между прочим, Шелгунова, возникла мысль об организации кружка исключительно революционного направления для революционной пропаганды в войсках и о составлении программы для этой преступной деятельности.

Составлению этой программы предшествовало несколько сходок, состоявшихся в марте, апреле и мае 1886 года, на которых... обсуждались способы сношения с преступным сообществом, известным под названием группы «социал-демократов», от которых и получались издания преступного содержания (эти подпольные издания хранились одно время... в Морском училище)...

Преступная деятельность военного кружка по выпуске некоторых юнкеров и гардемаринов из училищ и поступлении на службу в 1886 году продолжалась в переписке между выехавшими из С.-Петербурга по делам кружка, а затем не ограничилась С.-Петербургом и выразилась в попытках организовать революционный кружок в Киеве среди мастеровых местного арсенала, для чего Шелгуновым была передана подпоручику Ивану Акцентовичу при посредстве студента Технологического института Редько революционная программа, и при пособии Черневского начались открытые секретным розыском преступные связи с мастеровыми арсенала, с чего и началось в Киеве настоящее дознание...

Обращаясь от этого общего изложения к сущности дела... я нахожу:

1) Мичман Черневский... изобличается в принадлежности к «военно-революционному кружку» гардемаринов, во главе коего стоял мичман Шелгунов...

2) Мичман Шелгунов при допросах, отобранных у него по возвращении из заграничного плавания, признал себя виновным лишь в принадлежности к революционному кружку. Между тем дознанием установлена не только принадлежность его к военному кружку, но и руководящее значение в этом кружке...

По соображениям вышеизложенного... я полагал бы обвиняемых мичманов Черневского и Шелгунова предать суду военно-морским судом

Главный военно-морской прокурор[1]
статс-секретарь Янвич-Яневский

4

Провал произошел случайно — в киевском арсенале. Под следствие попали лишь те члены кружка, чьи фамилии были найдены, видимо, в бумагах Черневского. Причем из числа воспитанников императорского Морского училища — только 7 человек.

Следствие велось энергично.

«...Его Императорское Величество в присутствии своем в Гатчине ноября 15 дня

---

[1] Отмеченная в документе группа «социал-демократов» — это социал-демократическая группа Д. Благоева.— *Г. С.*

1887 года сонзволнл отдать следующнй приказ:

...Сослать Шелгунова и Черневского на каторжные работы: первого — на 8 лет, а второго — на 6 лет; Бобровского же, Хлодовского и А. Доливо-Добровольского сослать в не столь отдаленные места Сибнри...»

Гардемарнны Стронский н Дейновский тоже были наказаны.

А Шмидт арестован не был. Снова мы задаемся вопросом: почему? Может быть, тут сыграло свою роль и высокое родство Шмидта. Все-таки его дядя был первым военно-морскнм чнном империи, особа, блнзкая царскому двору. А возможно, морские власти побоялись еще кого-либо привлекать к следствню, так как, согласно Морскому уставу, 8 мятежников н больше — это уже бунт. А кому хочется признавать, что не в каком-нибудь, а в придворном, привилегированном учебном заведенни воспитывались крамольникн?

Во всяком случае, между военным министром и управляющнм Морского ведомства по этому вопросу были разногласия, о чем свидетельствует записка адмирала Шестакова на имя царя. Вот выдержка из нее: «К сожалению, после долгих усилий прийти к соглашению не удалось... Предание суду большого числа военнослужащих может прнвести к ошибочному заключению, будто в армии и на флоте язвы глубоки, многочисленны и потревожено общество...» Но есть н такое свидетельство, о котором мы уже упоминали.

Из воспоминаний
адвоката А. М. Александрова,
защищавшего Шмидта в суде

...Как-то после одного из докладов о Шмидте ко мне подошел пожилой человек и сообщил, что он — бывший моряк и товарищ Петра Петровича по корпусу. Я попросил его рассказать о юношеских годах Шмидта. От него я узнал, что сам он — бывший морской офицер и воспитанник Морского училища. Вместе с четырьмя или пятью мичманами после окончания училища он был осужден по политическому делу и сослан на каторгу.

Среди товарищей Шмидт пользовался исключительной любовью и влиянием.

«Когда нас арестовали,— сказал бывший моряк,— мы всячески старались выгородить и спасти его. Мы считали его необычайно выдающимся человеком и как бы предчувствовали его будущую историческую роль» (подчеркнуто мною.— *Г. С.).*

В ту пору Шмидту было двадцать лет.

Глава IX

1

Вот и пришел срок расставания с двадцатилетним мичманом Шмидтом. Мы прощаемся с ним в тяжелое для него время.

«Что теперь делать? Как дальше жить?»

Терзаемый этими вопросами, Шмидт пришел в Петропавловскую крепость. Семь лет назад здесь на вопрос отца о том, добровольно или по принуждению хочет сын стать офицером императорского флота, он воскликнул с радостью: «Добровольно хотящий!»

А сейчас? Сейчас он видел не только величественную усыпальницу Петра Великого, но и то, что тогда лишь слегка кольнуло в сердце, а теперь его жжет,— мрачные казематы, где томятся самые честные люди России.

После жестокой расправы царя над его друзьями дело (а не слова и благие порывы) стало вопросом его чести. И Шмидт решает, говоря флотским языком, сделать поворот «Все вдруг».

По этому сигналу корабли эскадры, идущие, скажем, кильватерной колонной, круто поворачивают все сразу. Но поворот, как известно, бывает влево или вправо. Вот почему на флагмане вместе с сигналом «Все вдруг» подимается и другой сигнал: «Люди» или «Покой», по буквам «Л» и «П». «Люди», как нетрудно догадаться, означает поворот влево, а «Покой» — соответственно вправо.

Конечно, Шмидт исполнил «Люди». Хотя «Покой» действительно дал бы ему покой: безмятежную жизнь, богатство, благополучие — все то, к чему со страстью и с вожделением всегда стремился его приятель юных лет Ставраки.

Мичман Шмидт, способный и грамотный офицер, сын адмирала и племянник первого в России военно-морского чина, мог бы сразу войти в святая святых власть предержащих — в царскую свиту. То, что Шмидт выбрал «Люди», было закономерно.

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Мои друзья — Михайловский, Белинский, Добролюбов, Герцен, Шелгунов, Успенский... Маркс и другие. Они в разное время обогатили мою душу светом истины, помогали сложиться во мне тем или иным убеждениям, учили меня честно мыслить.

Слово «честно» Шмидт подчеркнул. И завершил «звездный глобус» своих духовных наставников именем Карла Маркса.

Семнадцатилетний Маркс в сочинении на выпускном экзамене в гимназии писал: «...опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...» К великой этой цели Маркс шел сам. Вел за собой миллионы людей, в том числе и Шмидта.

Двадцатилетний Шмидт был полон решимости положить свою жизнь на алтарь борьбы за счастье униженных и оскорбленных. В этом он видел свое призвание, свой долг и свое счастье.

Мечту о счастье для всего человечества он схоронил в глубине души как мечту желанную, но на его веку, как он понял, недостижимую. Мечта о счастье русского народа, которое неразрывно связано с борьбою

рабочего класса, была стержнем его мировоззрения, которое он активно формировал в «военно-революционном кружке»; и вот этот стержень надломлен разгромом кружка. Что осталось? Ему осталась единственная возможность: попытаться принести счастье хотя бы одному человеку. «Я всегда думал,— напишет Шмидт незадолго до казни,— что это моя задача — дать счастье хоть одному человеку, забывая себя».

Таким человеком стала Доминика Гавриловна Павлова. Такой выбор его — подлинно целомудренного человека — не был результатом импульсивного чувства.

На одном из последних собраний кружка Шелгунова молодые мичманы почли своим долгом поднимать к знаниям, к новой жизни падших женщин. Не удивляйся, читатель. Тогда это была одна из самых болезненных проблем общества.

«Мир падших женщин,— писал в 90-х годах прошлого века Вацлав Воровский,— до сих пор остается для русского интеллигента специфическим объектом покаянных настроений, каким он был для длинного ряда литературных поколений. Это — камень преткновения даже у самых последовательных реалистов. Образ проститутки как бы впитал в себя в глазах интеллигента все несправедливости, все обиды, все насилия, совершенные в течение веков над человеческой личностью... И об этот образ разбивается и скептический пессимизм Л. Андреева, и романтический идеализм М. Горького, и реализм Куприна».

Не с литературным образом, а с реальным человеком — Доминикой Павловой — встретился мичман Шмидт. «Она,— вспоминал он перед казнью,— была моих лет. Жаль мне ее стало невыносимо. И я решил спасти... Пошел в государственный банк, у меня там было 12 тысяч, взял эти деньги — и все отдал ей. На другой день, увидев, как много душевной грубости в ней, я так верил, что это навеяно жизнью, что понял: отдать тут нужно не только деньги, а всего себя. Чтобы вытащить ее из трясины, решил жениться. Думал, что, создав ей обстановку, в которой она вместо людской грубости найдет одно внимание и уважение... вытащу».

2

Так сразу после разгрома кружка Шелгунова Шмидт бросил явный вызов светскому обществу. 18 ноября 1887 года он решил порвать связи с теми, с кем не мог больше находиться рядом, и подал рапорт о внеочередном отпуске в связи с «болезнью». Потом он еще и еще будет писать рапорты, пока не убедит тех, кому он писал, в своей будто бы болезни. «Болезненное мое состояние,— напишет он Александру III,— лишает меня возможности продолжать службу Вашему Императорскому Величеству, а потому прошу уволить меня в отставку». Просьбу Шмидта удовлетворят только 24 июня 1889 года.

Вместе с женой и сыном (он родится в феврале этого же года, но вопреки семейной

традиции будет назван не Петром, а Евгением) Шмидт переедет в Таганрог, где поступит на службу в Азовско-Черноморский банк. А через два года им опять овладеет давняя и незабытая любовь к морю, и он снова начнет службу на флоте.

В течение двух лет мичман Шмидт будет плавать на кораблях и судах Балтийского флота, а в марте 1894 года его утвердят в должности «производителя гидрографических работ отдельной съемки Восточного океана», то есть в должности гидрографа, и он переедет из Петербурга во Владивосток. За три года до истечения положенного срока ему присвоят звание лейтенанта.

Вскоре лейтенант Шмидт станет известен на Тихоокеанской эскадре как исключительно грамотный и тактически зрелый офицер, способный отстаивать свое мнение перед любым начальством. Это не очень нравится командиру эскадры контр-адмиралу Е. Н. Алексееву и старшему флагману контр-адмиралу Г. П. Чухнину. С ними лейтенант Шмидт постоянно конфликтует. Из-за их мелочных придирок он вынужден уйти в запас, и с сентября 1898 года начинается новый этап в его жизни — плавание на судах Добровольного флота и Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ).

Вначале ревизором (с этой должности начинали и лейтенант Н. Е. Суханов, и лейтенант С. О. Макаров), потом старшим помощником капитана и, наконец, капитаном плавает Шмидт на океанских судах. Их маршруты: Петербург — Владивосток, Одес-

са — Порт-Артур. Они перевозят груз, переселенцев, отправляющихся осваивать дальневосточный край. За четыре года он побывал в Нагасаки, Коломбо, Пирее, Адене, Порт-Саиде, Сингапуре, Сиднее, Бомбее, Плимуте, Антверпене и в других иностранных портах.

Пройдя десятки тысяч миль, Шмидт заслужил репутацию «просвещеннейшего капитана России». «Он,— вспоминал помощник Шмидта,— пользовался всеми новейшими приемами в навигации и астрономии, и плавать под его командованием было незаменимой школой, тем более что Петр Петрович всегда, не жалея времени и сил, учил всех, как товарищ и друг». С особой заботой он относился к матросам, немедленно списывая с судов любителей рукоприкладства. Из уст в уста, свидетельствует подшкипер В. И. Карнаухов-Краухов (будущий участник восстания на крейсере «Очаков»), передавали матросы слова капитана Шмидта: «Мордошлепам у меня места нет. Я от них ушел с военной службы. Здесь только свободный матрос-гражданин, строго подчиняющийся своим обязанностям во время службы».

Но в капитанской судьбе Шмидта была и другая сторона. Это — оторванность от земли, от событий, происходящих на родине.

Из рукописи П. П. Шмидта
«У родных берегов»

По профессии своей я мало жил в России. Если судьба меня бросала на родину, то все-

гда только на несколько дней, чтобы опять оторвать на месяцы. Эта оторванность от России, вероятно, лишила меня правильного понимания русской жизни...

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Я очень мало прикасался к земле. Последние десять лет плавал только на океанских линиях, и в году набиралось не более 60 дней стоянок урывками в разных портах, а остальное время обретался между небом и океаном.

Обретаясь «между иебом и океаиом», капитаи Шмидт в полной мере испытал все, что может выпасть на долю моряка. Однажды в шторм его судно спасло потерпевший аварию итальянский пароход и его команду, за что король Италии наградил П. П. Шмидта медалью. В другой раз он сам попал в жестокую переделку. У моряков есть неписаный закон: капитан покидает судно последним или вообще не покидает его. Шмидт иа себе испытал категорический императив этого нравственного закона капитанов всех времен и народов. В ноябре 1903 года по виие помощника капитана «Диаиа» (лучший по тому времени пароход России) иаскочила на камни у датского острова Меи.

Из письма П. П. Шмидта
жене и сыну

В те страшные минуты, когда я спасал людей на шлюпках, высаживая их на берег, я знал... что останусь на пароходе один без

шлюпок, но не покинул бы пароход никогда, а похоронил бы себя вместе с ним. Сыночка мой, мальчик, голубчик, когда я решился погибнуть вместе с «Дианой», я знал, что оставлю тебе имя честного моряка, а лучше этого отец не может ничего оставить своему сыну-другу.

Шестнадцать суток провел Шмндт иа потерпевшем крушенне судне. «После аварни,— вспомннал матрос «Диаиы»,— мы все былн невольно озлоблены иа помощника, который был внновннком несчастья. Он же, Петр Петровнч, не пронзнес ин одного слова упрека н потом, в своих доиесеннях днректору РОПнТа, старался всемн способами снять внну с помощнnка н прннять ее на себя».

— Я — капитан,— сказал Шмидт комисснн, которая разбиралась в обстоятельствах кораблекрушення.— Значит, я однн во всем вниоват.

«Не внновен!» — решили члены комиссии н предложнли иазиачнть Шмндта начальинком какого-либо мореходиого учнлища, дабы он мог учить молодых моряков «вериости делу морскому, мужеству и стойкости». В конце января 1904 года Шмндту предложнлн должность иачальннка Рнжского мореходного училнща. «На днях состоится мое назначение,— телеграфнровал он домой 28 января нз Кронштадта.— Приеду отдохнуть хотя бы на суткн».

Но он не приехал. С запозданием на два дня в Кронштадт пришло ошеломляющее известие: началась русско-японская война.

3

Перед моряками в этот день выступил главный командир Кронштадтского порта.

— Друзья,— сказал Степан Осипович Макаров,— ваши товарищи уже вступили в дело, окрещены боевым огнем: нужно будет — они лягут костьми на поле брани. Они сумеют выказать себя истинными героями. За их успех — ура!

Через несколько часов Шмидт был в Петербурге.

Из письма П. П. Шмидта сыну

В Петербурге я явился к начальнику штаба Рожественскому. Просил принять меня на службу с тем условием, чтобы я был послан в эскадру на время военных действий... (Публикуется впервые.)

Рожественский не удовлетворил просьбу Шмидта. Он, как свидетельствует офицер его же штаба, ошибочно считал, что в опытных командирах на Тихоокеанской эскадре недостатка нет.

Шмидт просит под свое командование подводную лодку («воевать — так новейшим оружием»). Ему отказывают по той же причине.

Из письма П. П. Шмидта
мичману В. П. Шмидту, сводному брату

Я просил штаб назначить меня командиром миноносца. (Публикуется впервые.)

На миионосцы возлагал большие иадежды и вице-адмирал С. О. Макаров, который был назначеи командующим Тихоокеанским флотом. Перед отъездом в Порт-Артур он сказал Рожественскому:

— Прошу отправить по железной дороге на Восток 8 миионосцев и 40 миионосок, а Средиземиоморскую эскадру иемедлеиио присоедииить к Тихоокеанскому флоту.

Рожественский все сделал наоборот: эскадру вериул иа Балтику, а в Порт-Артур ие послал ни одиого (!) из 48 боевых кораблей, иа одии из которых и стремился попасть Шмидт. Надо ли говорить, почему Шмидт получил отказ иа свою просьбу?

31 марта 1904 года иа миıах у входа в порт-артурскую гаваıь подорвался броиеиосец «Петропавловск», иа борту которого находились близкие Шмидту люди — вице-адмирал С. О. Макаров, мичманы В. П. Шмидт и Л. П. Шмидт. Из иих в живых остался только флаг-адъютаит С. О. Макарова, мичман В. П. Шмидт. После гибели «Петропавловска» иа Балтике иачинает срочио формироваться Вторая Тихоокеанская эскадра, и тогда в начале апреля Шмидт спешно отзывается из запаса и назначается старшим офицером угольиого траиспорта «Иртыш», который в составе эскадры должеи следовать к портартуровцам.

И на этой должности лейтенант Шмидт остается верен себе. Он предлагает командующему эскадрой вице-адмиралу З. Рожественскому оригинальную схему, намного убыстряющую перегрузку угля в море. Тот кладет предложение Шмидта под сукно, а потом во время похода эскадры в донесениях императору будет сетовать на большую сложность доставки угля на корабли.

Когда над героическими защитниками Порт-Артура нависла смертельная опасность, Шмидт отправил в газету «Новое время» (где, к слову, ответственным сотрудником был недоброй памяти знакомый Шмидта М. Меньшиков) письмо.

Из письма П. П. Шмидта
в «Новое время»

...Я предлагаю лично доставить в Порт-Артур пароходы с мясными консервами и всем необходимым, предлагаю прорваться в этот порт на коммерческих, не вооруженных артиллерией, пароходах... Я считаю, что в худшем случае эта экспедиция окончится потерей одного, впереди идущего, парохода, командование которым беру на себя, остальные же дойдут благополучно... Помогите же, русские люди, выполнению мною задуманной экспедиции! (Публикуется впервые.)

Предложение Шмидта не было опубликовано тогда.

Шмидту предложили заполнить балластные цистерны морской водой, чтобы немедленно выйти в море и догонять эскадру.

— Преступного приказания не выполню! Эскадре нужен уголь, а не вода,— ответил Шмидт командиру «Иртыша».

Лейтенанта посадили под арест. Но своего он добился. «Иртыш» полностью загрузился углем.

Из письма П. П. Шмидта сыну

Мое пребывание в Либаве в продолжение 8 месяцев во время приготовления эскадры Рожественского ярко осветило те страшные язвы бюрократического строя, которых я не видел, служа в коммерческом флоте. Я увидел, что в этом страшном механизме в минуту отечественной беды все поощряется, кроме честной работы. (Публикуется впервые.)

Когда «Иртыш» прибыл в Порт-Саид (он шел на встречу с эскадрой через Средиземное море, Суэцким каналом в Индийский океан), моряки узнали горькую новость: 20 декабря пал Порт-Артур.

Из статьи П. П. Шмидта в газету

...Сердце обливается кровью. Мы, русские люди, в глубоком горе оплакиваем безвинно павших воинов, несчастных сынов своего народа... Не он, русский народ, несет теперь позор поражения. Этот позор пал только на голову тех, кто его заслужил, на голову тех, кто вовлек великую нацию в низменную авантюру. (Публикуется впервые.)

На переходе из Порт-Саида в Суэц отношения Петра Петровича с командиром «Ир-

тыша» окончательно испортились. Воспользовавшись недомоганием Шмидта, командир списал его с судна. Лейтенант отбыл в Севастополь.

4

В Севастополе, куда Шмидт прибыл в январе 1905 года, Петр Петрович узнал поразительное известие: в России началась революция. Это известие Шмидт воспринял с огромным энтузиазмом. Все те высокие цели и идеалы, к которым он причастился в свои двадцать лет, стали для него сейчас особенно дороги, близки и желанны. Он сразу, без раскачки, включается в освободительное движение в стране: пишет обличающие бюрократический строй статьи в газеты, внимательно знакомится с начинающимися в Севастополе выступлениями матросов, с деятельностью политических партий (в ту пору в городе в результате нескольких арестов большевистских деятелей РСДРП в социал-демократическом комитете преобладали меньшевики, вели агитацию эсеры), сближается с демократически настроенными офицерами.

Из записок П. П. Шмидта

...Оставаясь по убеждению в прогрессивной части общества, не мог не понимать, что все силы нужно употребить на убеждение офицеров... Я собрал из них несколько человек, наиболее подходящих, и мы составили «Союз офицеров — друзей народа». От имени этого союза, тотчас после Цусимского по-

грома, я разослал по всем судам, командирам и адмиралам свое воззвание...

Из воззвания П. П. Шмидта
«К офицерам флота»

...Мы переживаем дни горя и позора, не имеющие себе равных в истории флота. Морской мундир, когда-то всеми уважаемый, стал позорным клеймом, и стало стыдно его носить... Честь ваша, офицеры флота, должна быть восстановлена. Вы должны доказать уже презирающей вас родине, что вы не все еще обратились в шутов, пригодных только для парадов и смотров, что в вас еще не окончательно умерло чувство долга перед русским народом. Вы должны честно сказать, что вы не встанете в ряды жандармов, казаков, полиции и всей опричнины, а присоединитесь вместе со своими командами к своему родному народу.

Присоединяйтесь к нам!.. (Публикуется впервые.)

Из записок П. П. Шмидта

...Воззвание и теперь, несомненно, хранится в делах, т. к., я знаю, главный командир велел его по прочтении «подшить к делам».

Из секретного сообщения
главного командира
Черноморского флота Г. П. Чухнина
в жандармское управление

...Мая 30 дня 1905 г. Направляю 3 экземпляра гектографического воззвания, озаглавленного «К офицерам флота» за подпи-

сью «Офицерский союз друзей народа», полученные в закрытых письмах с адресом в кают-компании минных крейсеров «Капитан Сакен», «Казарский» и транспорт «Дунай»... Прокламации эти, несомненно, местного происхождения... Мною производится негласное расследование в целях выявления виновных. (Публикуется впервые.)

Негласное расследование высказало предположение, что виновным в составлении прокламации является командующий миноносцем № 262 лейтенант Шмидт. Г. П. Чухнин отреагировал немедленно. 31 мая он распорядился: «Предписываю командующему миноносцем № 262 лейтенанту Шмидту с порученным ему судном 1 июня временно окончить кампанию». И, назначив Шмидта на другой миноносец, который был на ходу, приказал ему идти подальше от Севастополя — в Измаил. Об этом городе Шмидт с горечью скажет: «Уж подлинно ссылка!»

Из письма П. П. Шмидта
С. Д. Толстой[1]

...Больно бросать Россию в такие тревожные дни, когда каждый день... ждешь обновления жизни и возрождения вместо гибели, к которой ведут наши обанкротившиеся, бездарные и бесконтрольные правители. (Публикуется впервые.)

[1] С. Д. Толстая — жена сокурсника и товарища П. П. Шмидта К. Н. Толстого, внучка русского поэта Е. А. Баратынского.

Шмидт на миноносце ушел в Измаил через два дня после ухода в Тендровский залив броненосца «Потемкин», то есть в день восстания броненосца — 14 июня.

Из письма сына П. П. Шмидту

...Команда «Потемкина» перебила всех офицеров, завладела кораблем, и теперь вся черноморская эскадра отправилась ловить мятежников. Говорят, что скоро будет общее матросское восстание... Что бы то ни было, но народ добьется своих прав. (Публикуется впервые.)

Севастопольская знакомая П. П. Шмидта Елена Николаевна Рахт, с которой автору привелось беседовать в 1963 году, рассказала, что в Севастополе распространился слух о том, что именно Шмидт принял командование мятежным «Потемкиным». Она же поведала о том, что на борту восставшего броненосца находился друг Шмидта и член созданного им «Союза офицеров — друзей народа» механик корабля поручик А. И. Коваленко.

Она передала в дар очаковскому Музею Шмидта пять писем Петра Петровича к ней.

Из письма П. П. Шмидта
к Е. Н. Рахт

...Пишите, пожалуйста, что творится на флоте. Какая участь постигла Коваленко? Жив ли он? Где находится? Тут ничего не знаешь и ничего не понимаешь во всей этой истории.

Е. Н. Рахт написала Шмидту все, что знала. Писал ему и его сын.

Из письма сына П. П. Шмидту

Милый мой папочка! Получил первое твое письмо, где ты просишь сообщить о «Потемкине». Мне исполнить твою просьбу трудно, т. к. в предыдущих письмах я писал тебе все, что знал. Теперь достоверно известно, что «Потемкин» не пойман. Он держит всю южную часть Крыма в осадном положении. Наша несчастная черноморская эскадра ничего не может поделать с отважной командой... Жду известий. Может быть, мне удастся сообщить тебе что-нибудь более интересное о «Потемкине». (Публикуется впервые.)

Но ничего более интересного о «Потемкине» сын не смог больше сообщить отцу. Броненосец «Потемкин», эта, говоря словами В. И. Ленина, «непобежденная территория революции», вынужден был окончить свое историческое плавание.

Из письма П. П. Шмидта к Е. Н. Рахт

...Меня волнует судьба Коваленко. В газетах ни слова об этом после сдачи «Потемкина». Где он? Напишите, пожалуйста, не откладывая.

Из письма П. П. Шмидта к Е. Н. Рахт

...Спасибо вам за ваши весточки. Теперь я убежден в том, что Коваленко выехал за

границу, а стало быть, не нашел удобным вернуться. Каждому из нас ясно, что он не мог остаться безучастным к судьбе команды... Страшно подумать, к какой реакции может привести плохо организованное движение. Жду 6 июля напряженно. Никто из нас не в силах предугадать событий близких и неожиданных, но каждый из нас должен занять достойное место в грядущем.

Почему именно 6 июля напряженно ждал Шмидт? Не организованного ли выступления всего Черноморского флота? Это пока неизвестно. Коваленко же, о судьбе которого так волновался Шмидт, оказался, по свидетельству многих матросов-потемкинцев, единственным офицером, который искренне примкнул к восставшим, был членом ревкома броненосца и до конца выполнил свой революционный долг.

Шмидт всеми силами стремился в Севастополь, где разворачивались главные события на флоте. Но он смог туда приехать только ближе к осени и сразу же активно включился в революционное движение.

5

18 октября севастопольские большевики организовали в городе митинг по случаю царского манифеста, якобы дающего народу свободу. Вот на этом-то митинге, морально подготовленный всей своей жизнью, а особенно событиями 1905 года, и выступил впервые публично лейтенант Шмидт.

Он горячо призвал собравшихся отстаивать прежде всего свои политические права. «Говорил он простым, но очень ясным и понятным языком,— вспоминал один из участников Севастопольского восстания, рабочий А. Дмитриев,— Шмидт призвал не обольщаться красивыми словами царского манифеста, а продолжать борьбу, и в первую очередь требовать освобождения находящихся в тюрьмах политических заключенных». Собравшиеся с энтузиазмом и одобрением встретили это предложение. Более 10 тысяч демонстрантов двинулись к городской тюрьме, где вместе с политзаключенными находились и матросы-потемкинцы. Но люди были встречены залпами. Восемь человек было убито, около пятидесяти ранено.

Преступление властей вызвало всеобщее возмущение. На следующий день митинг на Приморском бульваре принял резолюцию протеста против кровавых злодеяний полиции. В резолюции, одним из авторов которой был Шмидт, ставились требования: снять военное положение в городе, убрать полицию, казаков и военные патрули, освободить всех политических заключенных, в том числе и потемкинцев, ввести народную охрану, отменить смертную казнь и предать суду виновников расстрела демонстрации 18 октября.

Митинг избрал в городскую думу 28 депутатов от народа, в том числе П. П. Шмидта, который, как доносил вице-адмирал Чухнин морскому министру, «ходил по го-

роду с матросами и народом, пел «Марсельезу» и будто одобрял команду «Потемкина».

20 октября состоялись похороны жертв расстрела. По требованию рабочих этот день был объявлен днем народного траура. Похоронная процессия превратилась в мощную демонстрацию протеста против самодержавия. В ней участвовало до 40 тысяч человек, в том числе матросы и солдаты. На похоронах над могилой жертв расстрела выступил Шмидт. Он сказал:

— У гроба подобает творить одни молитвы; но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу и теперь — в минуту общего великого ликования — лишен этого высшего блага.

Они, неся с собой весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их и за это были убиты.

Они хотели передать другим высшее благо жизни — свободу — и за это лишились самой жизни.

Страшное, невиданное преступление. Великое, непоправимое горе.

Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: «Что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда? Как вы воспользуетесь свободой? Можете ли вы обещать нам, что мы — последние жертвы произвола?»

И мы должны успокоить смятенные души усопших, мы должны поклясться им в этом...

Клянемся им в том, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав...

Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей свободы...

Клянемся им в том, что свою общественную работу мы всю отдадим на благо рабочего, неимущего люда...

Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные, свободные братья Великой Свободной России...

Клянемся им в том, что мы доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного права...

Из письма П. П. Шмидта к З. И. Р.

Когда я кончил и народ повторял за мной, как загипнотизированный, свое могучее народное «клянемся», меня обнимали и целовали совершенно незнакомые люди — интеллигенты и рабочие. Один адвокат сказал мне: «Вы — трибун, за вами пойдут сотни тысяч людей»...

Но тысячи людей не успели пойти за Шмидтом, так как за ним в тот же вечер, 20 октября, прибыл от Чухнина офицер:

— Главный командир Черноморского флота приказал вам проследовать вместе со мной в штаб.

За эту, как писал В. И. Ленин, «дерзкую» речь о защите с оружием в руках свобод, обещанных в манифесте 17 октября, Шмидт был в тот же день арестован и помещен в одиночное заключение на броненосце «Три святителя».

В ответ на арест лейтенанта Шмидта рабочие Севастополя избрали отважного морского офицера своим «пожизненным депутатом» созданного в городе Совета.

6

Революционные события на Черноморском флоте развивались с непостижимой быстротой.

8 ноября восстала команда крейсера «Очаков». В этот день В. И. Ленин возвратился в Россию из эмиграции. Через несколько часов после приезда В. И. Ленин встретился с членом ЦК партии Л. Б. Красиным. Речь шла о легальной большевистской газете «Новая жизнь», которую предстояло редактировать Владимиру Ильичу, о событиях в России, и особенно на Черноморском флоте. Внимание Ленина все больше приковывалось к Севастополю.

На третий день в редакцию «Новой жизни» поступила срочная телеграмма из Севастополя: «Во дворе Черноморской флотской дивизии матрос ранил выстрелом адмирала Писаревского». Тотчас же А. В. Луначарский показал ее В. И. Ленину.

— В печать. Немедленно!— распорядился Владимир Ильич.

Через двенадцать лет В. И. Ленин вновь вернется к этому эпизоду, вызвавшему страшный переполох не только у командования Черноморского флота, но и в резиденции Николая II. В своем докладе о революции 1905 года Владимир Ильич, в частности, скажет:

«Утром 24[1] ноября 1905 года у ворот флотских казарм была выставлена боевая рота в полном боевом снаряжении. Контр-адмирал Писаревский отдал во всеуслышание приказ: «Не выпускать никого из казарм! В случае неподчинения стрелять». Из роты, которой был отдан этот приказ, вышел матрос Петров, зарядил на глазах у всех свою винтовку, одним выстрелом убил штабс-капитана Штейна из Белостокского полка, а вторым выстрелом ранил контр-адмирала Писаревского»[2].

В. И. Ленин в том же докладе так описывает дальнейшие события:

«Раздалась команда офицера: «Арестуйте его!» Никто не двинулся с места. Петров бросил свое ружье на землю. «Чего стоите? Берите меня!» Он был арестован. Стекавшиеся со всех сторон матросы бурно требовали его освобождения, заявляя, что они за него ручаются. Возбуждение достигло апогея.

— Петров, не правда ли, выстрел произошел случайно?— спросил офицер, чтобы найти выход из создавшегося положения.

---

[1] 11 ноября по старому стилю.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 317.

— С какой стати случайно! Я вышел вперед, зарядил и прицелился, разве это случайно?

— Они требуют твоего освобождения...

И Петров был освобожден. Но матросы этим не удовлетворились, все дежурные офицеры были арестованы, обезоружены и отведены в канцелярию... Делегаты матросов в количестве около 40 человек совещались всю ночь. Решили офицеров освободить, но больше их в казармы не впускать...» [1]

«Эта небольшая сценка,— делает вывод В. И. Ленин,— наглядно показывает вам, как разыгрывались события в большинстве военных восстаний...

Широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но так же легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление...» [2]

Поразительно точен этот вывод.

«Помощь будет прислана,— телеграфировал Николай II Чухнину.— Не теряйте бодрости духа. Употребите все усилия, чтобы вразумить мятежников, напомните им от моего имени, что, восставая против власти, они нарушают долг присяги и позорят честь России. Объявите им, что если они не

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 317.

[2] Там же, с. 318.

образумятся немедленно, то я с ними поступлю как с клятвопреступниками и изменниками».

Чухнин напомнил матросам о их долге и присяге, о чести России и императора. Но революционные черноморские матросы под влиянием большевиков уже имели свое собственное мнение об этих понятиях. Матросы-очаковцы Гладков, Антоненко, Частник вместе с матросом Петровым, о котором говорил В. И. Ленин, а также рабочие порта пришли на Соборную, 14, к их депутату Петру Петровичу Шмидту, который был освобожден из-под ареста 3 ноября и уволен с флота в чине капитана II ранга в отставке.

«Вечером 13 ноября,— писала газета «Борьба»,— был поднят вопрос о приглашении Шмидта. Социал-демократы, исходя из того, что Шмидт, несомненно, искренний революционер, хотя и стоящий вне партии, знает военное дело, пользуется громадным авторитетом и популярностью среди матросов, высказались за его приглашение... В лице Шмидта матросы сразу почувствовали не только идейного руководителя, но и знающего технику дела вождя-организатора».

14 ноября Шмидт прибыл на борт крейсера «Очаков». Матросы встретили его громовым «Ура!», отдали ему адмиральские почести. С этого момента «Очаков» стал центром восстания. Сюда стекались все доклады с флота и из города. Отсюда Шмидт отдавал приказания. Он потребовал прежде всего решительно арестовывать

всех монархически настроенных офицеров и доставлять их на борт корабля. Таких вскоре оказалось более 150 человек, в их числе был и генерал, начальник артиллерийского вооружения флота. Вместе с Частником, Антоненко и Гладковым Шмидт потребовал доставить ударники от орудий на «Очаков» и другие корабли, примкнувшие к нему. Тут же, в адмиральской каюте крейсера, состоялось заседание Матросской комиссии — исполнительного органа Севастопольского Совета, которая назначила лейтенанта Шмидта командующим революционным флотом и приняла решение бороться до конца.

Всю ночь с 14 на 15 ноября восставшие под руководством Шмидта действовали максимально активно. Более десяти кораблей перешли на сторону восставших матросов. К утру 15 ноября около половины всего Черноморского флота выразило готовность выполнять революционную волю первого в России «красного адмирала» Петра Петровича Шмидта.

В 10 часов утра на «Очакове» и 13 других кораблях, на мачтах флотской дивизии взвились красные флаги. На «Очакове» был поднят сигнал: «Командую флотом, Шмидт».

Сам Шмидт на миноносце «Свирепый» обошел эскадру, призывая боевые корабли присоединиться к восстанию. Загнанные в трюмы матросы отвечали на призыв Шмидта криками «Ура!». Офицеры осыпали его площадной бранью. Красный флаг был под-

нят на «Пантелеймоне» (так переименовали броненосец «Потемкин»), из плавучей тюрьмы «Прут» освобождены арестованные матросы-потемкинцы.

Но часть кораблей эскадры не поддержали очаковцев. В полдень 15 ноября Чухнин и прибывший в Севастополь с войсками по указанию Николая II генерал Меллер-Закомельский передали восставшим ультиматум: «Сдавайтесь!» Частник, Антоненко, Гладков и Шмидт ответили: «Никогда!»

Шмидт приказал подвести к борту «Очакова» транспорт «Буг», на котором хранился большой запас снарядов и взрывчатки. Он понимал, что «Очаков», у пушек которого по распоряжению Чухнина еще неделю назад были сняты замки, не сможет вступить в бой. Поэтому надеялся: если у борта «Очакова» будет находиться «Буг» с его опасным грузом, ни Чухнин, ни Меллер-Закомельский не отважатся открыть огонь, так как от взрыва «Буга» пострадают и их собственные корабли и городские строения.

Но этот замысел Шмидта, видимо, разгадал Ставраки, приятель Шмидта в юности и сокурсник по Морскому училищу. Во всяком случае, именно с канонерской лодки, которой командовал Ставраки, был расстрелян и потоплен катер, что вел «Буг» к «Очакову».

В 15 часов 19 минут царская эскадра и береговые батареи обрушили огонь на «Очаков».

Из столичных газет

Севастополь. Спб. командиру корпуса жандармов. Копия департаменту полиции.

Сего 15 ноября, 3 ч. 20 м. дня, начался артиллерийский бой десяти мятежных судов и засевших в казармах матросов с оставшимися верными судами эскадры, полевой батареей, сухопутными войсками. В 5 ч. 30 м. бой окончен. Бунтовавшие суда сдались. Их предводитель отставной лейтенант Шмидт арестован... Ротмистр Васильев.

Но это был не бой. Это была жестокая, кровавая расправа над фактически безоружными восставшими матросами.

Из статьи писателя А. Куприна «События в Севастополе»

Не буду говорить о подробностях, предшествовавших тому костру из человеческого мяса, которым адмирал Чухнин увековечил свое имя во всемирной истории. Они известны из газет. Вкратце: матросский митинг, выстрелы в Писаревского и одного пехотного офицера, отложение экипажей от армии, присяга и измена брестцев,— Шмидт подымает на «Очакове» сигнал: «Командую Черноморским флотом», великолепно-безукоризненное поведение матросов по отношению к жителям Севастополя и, наконец, первые предательские выстрелы с батарей в баржу, подходившую к «Очакову»...

С Приморского бульвара открывается вид на узкую и длинную бухту, обнесенную каменным парапетом. Посредине бухты огромный костер, от которого слепнут глаза и вода кажется черной, как чернила. Три чет-

верти гигантского крейсера — сплошное пламя. Остается целым только кусочек корабельного носа, и в него уперлись неподвижно лучами своих прожекторов «Ростислав», «Три святителя», «XII Апостолов». Когда пламя пожара вспыхивает ярче, мы видим, как на бронированной башне крейсера, на круглом высоком балкончике, вдруг выделяются маленькие черные человеческие фигуры. До них полторы версты, но глаз видит их ясно.

Я должен говорить о себе. Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. Но никогда, вероятно, до самой смерти, не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть.

...Раздался тревожный, взволнованный шепот:

— Да тише вы! Там кричат!

И стало тихо, до ужаса тихо. Тогда мы услыхали, что оттуда, среди мрака и тишины ночи, несется протяжный высокий крик:

— Бра-а-тцы!..

И потом вдруг что-то ужасное, нелепое, чего не выразишь на человеческом языке, крик внезапной боли, вопль живого горящего тела, короткий, пронзительный, сразу оборвавшийся крик.

А крейсер беззвучно горел, бросая кровавые пятна на черную воду. Больше криков уже не было, хотя мы еще видели людей на носу и на башне. Тут, в толпе, многое уз-

налось. О том, что по катеру с ранеными, отвалившему от «Очакова», стреляли картечью. Что бросавшихся вплавь расстреливали пулеметами. Что людей, карабкавшихся на берег, солдаты приканчивали штыками...

Опять лопается броневая обшивка. Больше не слышно криков. Душит бессильная злоба: сознание беспомощности, неудовлетворенная, невозможная месть...

ЕДВА ЛИ ЕСТЬ ОСНОВАНИЕ ЛИКОВАТЬ ПОБЕДИТЕЛЯМ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ. ВОССТАНИЕ КРЫМА ПОБЕЖДЕНО. ВОССТАНИЕ РОССИИ НЕПОБЕДИМО.

В. И. ЛЕНИН

7

Владимир Ильич Ленин назвал восставших во главе с П. П. Шмидтом «армией свободы в Севастополе». Севастопольские события, писал он в тот день, когда Шмидт поднял на «Очакове» сигнал «Командую флотом», знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооруженные машины, делал их орудиями подавления малейших стремлений к свободе. «Сознание необходимости свободы в армии и полиции,— отмечал Владимир Ильич после пленения Шмид-

та и его друзей,— продолжает расти, подготовляя новые очаги восстания, новые Кронштадты и новые Севастополи».

С целью подготовки новых очагов восстания, новых Кронштадтов и новых Севастополей в большевистской газете «Новая жизнь» 30 ноября 1905 года были опубликованы три примечательных документа.

В АРМИИ

Копия

Командир крейсера 1-го ранга «Очаков»
Ноября 15-го дня 1905 г.
№ 1
г. Севастополь

Петр Петрович Шмидт (выдавленная печать)

СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ

Сообщаю вам, что у меня находится значительное число лиц офицерского звания арестованных. Городской патруль сегодня арестовал моих трех граждан — матросов, и пока вы не вернете этих людей мне, я не даю пищи арестованным мною офицерам.

Командующий флотом гражданин Шмидт

Копия

Командир крейсера 1-го ранга «Очаков» Ноября 15-го дня 1905 г. № 2 г. Севастополь

Для гласного обнародования

Г-НУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ

Мною послана сегодня государю императору телеграмма следующего содержания:

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом гражданин Шмидт

Копия

В случае каких-либо насилий со стороны казаков по отношению к гражданам, я вынужден буду принять решительные меры.

Командующий флотом П. Шмидт

К первому приказу Шмидта редакция «Новой жизни» дала примечание: «Подлинник отправлен Шмидтом с матросом с «Оча-

кова». Прежде чем посыльный дошел до управы, началась бомбардировка. Посыльный решил переждать исхода и после неудачи передал в Комитет РСДРП. Подлинник имеется в архиве Севастопольского Комитета РСДРП».

Аналогичное примечание было дано и ко второму приказу Шмидта. На конверте, в котором находился этот приказ, было написано: «Севастопольскому градоначальнику. От гражданина П. Шмидта. Очень нужное».

К третьему документу было дано такое примечание: «Это объявление было опубликовано в 5000 экземплярах».

Все документы, как мы видим, были воспроизведены со штампами и пометками, имеющимися на них. Но особое значение, как представляется, имеет общее примечание ленинской газеты «Новая жизнь»:

«Печатаемые выше документы, относящиеся к последнему восстанию в Севастополе, показывают, сколько выдержки, дисциплины и благородства обнаружили «бунтовщики». Поддерживая в городе образцовый порядок, не допуская никаких бесчинств и насилий над мирными гражданами, они и по отношению к врагам своим держались тактики открытых действий без всякой жестокости. Они вступали в переговоры, только отвечая репрессией на насилие со стороны властей. Насколько эта тактика была выгодна для дела восстания, показали события — власти захватывали и нападали врасплох на восставших. Но что в ней много гуманности и благородства по отношению к

врагу — бесспорно. Заслуживал ли ои такого отиошеиия?»

Этот вопрос — заслуживал ли враг такого отношеиия? — поставлеиный в далеком 1905 году, был ие случаеи. Из статьи Алексаидра Иваиовича Куприиа видио, как безжалостио царские власти расправились с восставшими. Но сохраиились и другие свидетельства жестокости царя.

«Милая, дорогая мама! — писал император Николай II 17 ноября.— Еще одна тяжелая иеделя прошла... Вчера, по крайней мере, ген. Меллер-Закомельский энергично покончил с мятежом... Какой-то прогнаный со службы офицер — бывший лейтеиант Шмидт провозгласил себя комаидиром «Очакова»... Его, коиечио, придется расстрелять!» «Надеюсь,— отвечала мать сыну-царю,— что с Шмидтом покоичили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемоииться не иадо».

Плеиеиный Шмидт не собирался убегать, хотя оставшиеся на свободе едииомышлеиники готовили ему побег. Нет. Он решил до коица служить революции и с этой целью подготовил и выступил на суде с речью, которая вошла в историю как «Слово о России».

СЛОВО О РОССИИ

Из речи Шмидта на суде
14 февраля 1906 г.

...Пройдут годы, забудутся наши имена, но ту боевую силу, которая присоединилась к «Очакову» и тем осталась верной народу

и присяге, имена этих 10 судов флота не забудут, и они навсегда останутся в летописях народа...

В такое время государственного хаоса, когда все в стране так спуталось, что русские власти пошли войной на Россию, нельзя руководствоваться статьями закона, нужно искать иных общих, всем народом признанных определений преступного и непреступного.

В такое время, чтобы оставаться законным, приходится изменять присяге и, оставаясь верным присяге, приходится нарушать законы. Не преступен я, раз мои стремления разделяются всем народом и не противоречат присяге, а, наоборот, опираются на нее. Не преступен я, раз в моих деяниях не видит преступления весь 100-миллионный народ русский...

Но меня судят, и мне грозит смертная казнь.

Когда я вступил на палубу «Очакова», то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать восемь узлов ходу, и без артиллерии; там имелось всего две рукоятки от шестидюймовых орудий, остальные орудия действовать не могли. Я понимал всю беспомощность крейсера, неспособного даже уйти от опасности.

Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая и казармам и «Очакову», была разоружена до моего приезда на «Очаков»; стало быть, и тут нельзя было ждать никакой боевой силы, нужной для во-

оруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали. Но я знал, что не дальше как завтра будет открыт артиллерийский огонь по казармам, знал, что это страшное злодеяние уже подготовлено, что беда неминуемо стрясется и унесет много неповинных жизней, и это сознание не позволяло мне покинуть ту горсть безоружных людей, которая была на «Очакове» и которая геройски готова была хотя бы пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства.

Команда знала от меня, что первым условием моего участия в деле было: не пролить ни капли крови, и команда сама не хотела крови.

Что же давало нам убеждение в необходимости, в полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно? Откуда мы почерпнули ту высокую радость, которая осветила всех нас, несмотря на всю грозность надвигавшихся событий? Как мог я, болезненный и слабый человек, лишенный трех предыдущих суток сна, не только оставаться сильным духом и верующим, но и поднять и укрепить веру в других? В чем была наша сила, идущая, как казалось, вразрез со здравым смыслом?

Сила эта была в глубоком, проникнувшем все мое существо и тогда, и теперь сознании, что с нами русский народ. Да, с нами русский народ, весь, всею своею 100-миллионною громадою. Он, истощенный и изне-

могающий, голодный, изрубцованный казацкими нагайками, он, этот народ, с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал...

Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах, в казармах экипажей. Там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки.

Мне говорят о статьях закона, о военном положении и так далее. Я не знаю, не хочу, не могу оценивать все происшедшее статьями закона. Я знаю один закон долга перед родиной, которую вот уже три года заливают русской кровью. Заливает малочисленная преступная группа.., захватившая власть...

Они из-за своих хищных расчетов уложили больше ста тысяч трупов в войне с Японией, они же теперь из-за тех же расчетов начинают войну с Россией.

Где измена? Кто государственный преступник?

Сегодня в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они...

Где же почва, на которой может утвердиться русский человек, чтобы не быть изменником народу и оставаться законным?

Такой почвы нет. В дни тяжелой борьбы народа за право на жизнь, что сегодня в гла-

зах власти преступно, завтра принимается как заслуга перед родиной.

В эти дни испытания есть один закон — закон верности своему народу.

Остается в эти дни или умереть в борьбе, или наложить на себя руки, так как оставаться безучастным — это сверх сил человеческих...

Зачем не убили меня офицеры, когда я нарочно малым ходом на миноносце, стоя один на мостике, проходил по борту вплотную все броненосцы, подставляя им открытую грудь свою?

Зачем не убили меня офицеры на «Пруте», когда я один вошел к ним, чтобы освободить потемкинцев?

Отчего я не был убит на «Очакове» под этим невиданным в истории войн стальным градом? Не убили меня, когда я был в воде, засыпанный пулеметными очередями.

Отчего не убили меня, когда я, теряя сознание и вытащенный кем-то из воды, попал на миноносец под новый град снарядов?

Отчего не убили меня на «Ростиславе» офицеры, когда они издевались надо мною и я совершенно уж терял последние силы, но все же искал смерти?

Ко мне подошел адмирал Феодосьев и спросил что-то, я не помню, но я помню, что я ответил ему, что одна смертная казнь остановит меня.

И если бы я ответил ему иначе, то весь русский народ имел бы право сказать мне: прочь, изменник, ты не видишь, что мы все умираем в этой страшной борьбе!

Для того я остался в живых, чтобы быть поставленным здесь, у скамьи подсудимых, чтобы могла видеть вся Россия, соучастница дел моих, что судят за то, что я остался верен народу своему.

Да, я выполнил долг свой, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я, была бы страшнее самой смерти.

Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верной присяге, и не гражданин Шмидт перед вами.

Перед вами здесь, на скамье подсудимых, вся 100-миллионная Россия. Ей вы вынесете свой приговор, она ждет вашего решения.

* * *

Перед казнью Шмидт скажет, и эти его слова останутся в памяти многих:

— Я знаю, что столб, у которого встану принять смерть, будет водружен на грани разных исторических эпох нашей родины! Сознание это дает мне много силы... Позади, за спиной у меня, останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную и счастливую Россию...

И еще он говорил: «Я должен жить так, чтобы мне не стыдно было рассказать о каждой минуте своей жизни, чтобы ни за одну минуту своей жизни я не покраснел... И я так и живу».

Он так и живет рядом с нами.

Самолис Г. В.
С17 Лейтенант Шмидт: Докум. повесть.— М.: Политиздат, 1982.— 174 с.— (Когда им было двадцать).

Лейтенант Шмидт — один из героев народной революции 1905—1907 годов. Автору книги — военному журналисту капитану I ранга Г. В. Самолису — удалось на основе большого документального материала, воспоминаний родных и близких нарисовать образ юного Шмидта, показать истоки его мужества и героизма во время Севастопольского вооруженного восстания.

Книга адресуется массовому читателю, и прежде всего молодежи.

С $\frac{0505020000-216}{079(02)-82}$ 267—82 63.3(2)522
9(С)173

Георгий Владимирович Самолис

Лейтенант Шмидт

Зааедующая редакцией *А. Т. Шаповалова*
Редактор *А. Ф. Глазов*
Младший редактор *Л. В. Масленникова*
Художестаенный редактор *В. А. Тогобицкий*
Техническнй редактор *Е. Ф. Леонова*

ИБ № 691

Сдано в набор 09. 02. 82. Подпнсано в печать 28. 04. 82. А00086. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тнпографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать аысокая. Услоан. печ. л. 6,44. Условн. кр.-отт. 6,87. Учетио-изд. л. 5,81. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 2011. Цена 20 коп.

Политнздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудоаого Красиого Знамени типография изд-ва «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

20 коп.

Когда им было двадцать

В Издательстве политической литературы вышли следующие книги:

Георгий Яковлев

Николай Островский

Владимир Приходько

Евгений Майков

Игорь Цыбульский

Филипп Лобанов

Василий Королев

Ян Лацис